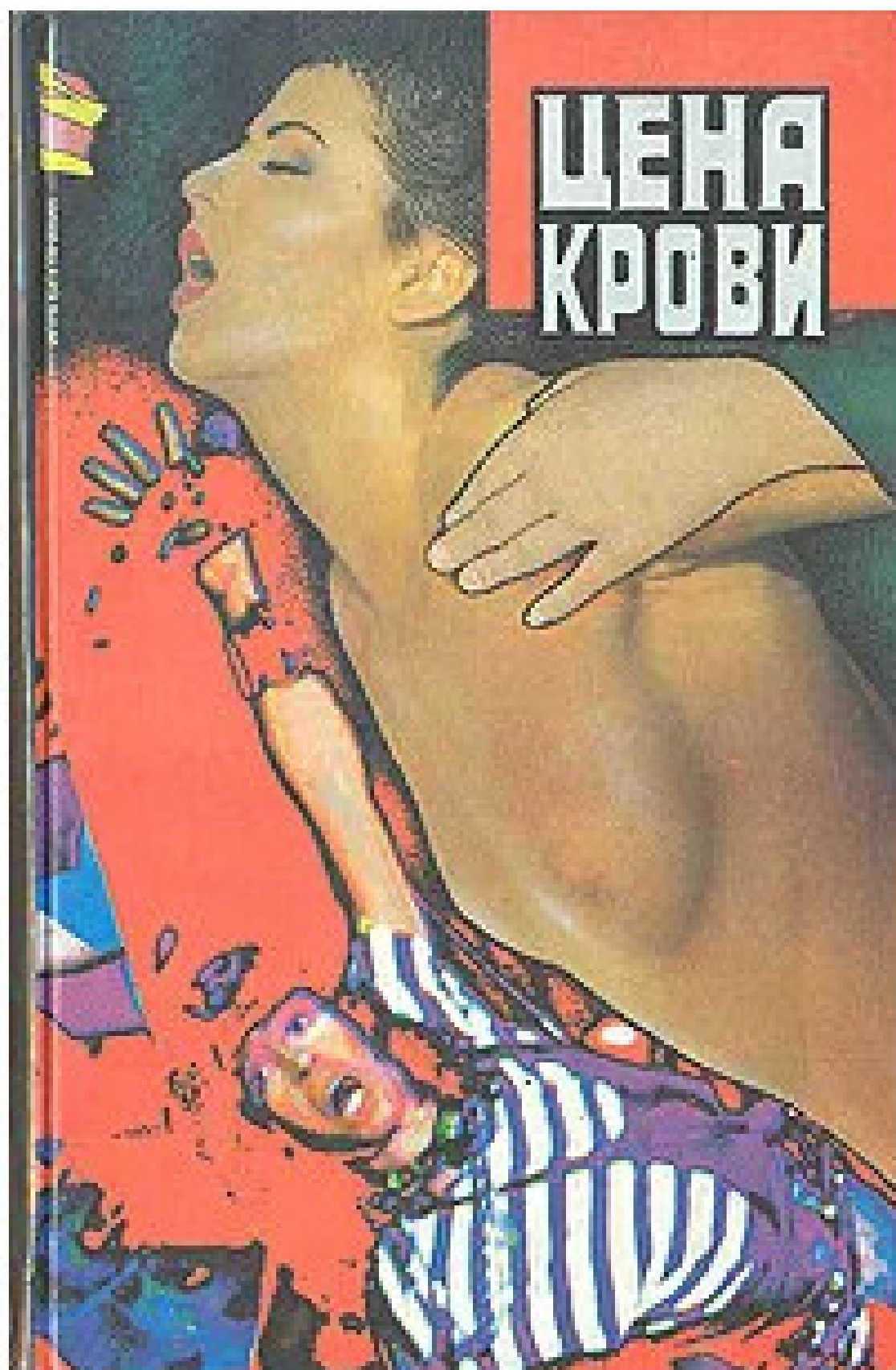

Цена крови
Харьков: ИМП «Рубикон», 1995

Марджори Аллингем

Дело покойника Свина

Глава 1

НЕОБЫЧНОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ О СМЕРТИ

Мне всегда казалось, что, если уж человек пишет автобиографию, самое главное не допустить, чтобы вкралась в нее скромность и испортила все дело. Приключения, о которых будет идти речь, — это мои, Альберта Кемпиона, приключения, и я уверен, что вел себя почти гениально — пусть даже мы с Лаггом были так близко от смерти, что уже были слышны звуки райских арф.

Началось с того, что я завтракал, сидя в постели.

Дворецкий лорда Пауни посещал курсы, на которых обучали искусству декламации, и с той поры читал его светлости «Таймс», а его светлость поглощал при этом без особого аппетита свой вегетарианский завтрак.

Лагг, в котором при всех его выдающихся качествах осталось еще немало от деревенщины, познакомился с дворецким его светлости в кабачке, излюбленном господами, находящимися в услужении у других господ, и немедленно решил ему уподобиться. Уроков декламации Лагг не посещал — во всяком случае, после того, как вышел из борстолской тюрьмы еще при Эдуарде VII. Когда мы впервые встретились, он только что освободился по амнистии и был образцом человека исключительной смелости и изобретательности, находившим этим качествам, к сожалению, до той поры не совсем подходящее применение. Ну, а теперь — нравится мне это или нет — он читает мне за едой «Таймс».

Поскольку он не большой любитель публицистики, в упомянутой газете его интересует одна-единственная рубрика. Рубрика, озаглавленная «Скончались».

— Питерс... — прочел он и заслонил мне свет своим массивным телом. — Есть у нас какой-нибудь знакомый Питерс, шеф?

В этот момент я читал письмо, невольно заинтриговавшее меня своим цветистым слогом и отсутствием подписи, и совсем не слушал Лагга. Через мгновение Лагг с выражением тихого отчаяния на лице положил газету.

— А чтоб ответить, так уж нет? — жаловался он. — Человек старается, чтоб было хоть чуть-чуть по-благородному, а помощи от вас разве дождешься! Коллега Терк говорил, что его светлость слушает куда как внимательней. Каждый кусок пережует сорок раз, прежде чем проглотит, а все равно прислушивается к каждому слову.

— Само собою, — ответил я рассеянно, думая о письме, совершенно не похожем на обычное анонимное свинство.

— Питерс... Р. А. Питерс, в возрасте 37 лет, после непродолжительной болезни, скончался в Тетеринге 9-го числа сего месяца. Похороны в Тетеринге, суббота, 14.30. Цветов просят не присылать, другие извещения друзьям покойного рассылаться не будут.

Читает Лагг отвратительно, но с чувством. Фамилия привлекла мое внимание.

— Питерс? — переспросил я и с любопытством поднял глаза. — Р. А. Питерс... Свин Питерс. Там так написано?

— Да Боже ж ты мой! — Лагг огорченно отбросил газету. — Как же б оно могло быть? Я же прочел, черт возьми, «после непродолжительной болезни». Знакомый какой-нибудь?

— Нет, — ответил я осторожно. — Нельзя сказать, теперь уж нет.

На круглом, как полная луна, лице Лагга появилось несколько циничное выражение.

— Ясно, Берт, — произнес он со смешным самодовольством, кивая так, что его многочисленные подбородки скрылись в воротнике расстегнутой рубашки. — Ниже нашего уровня.

Хоть я и понимаю, что Лагга переделать невозможно, есть вещи, которые нельзя пропускать незамеченными.

— Вовсе нет, — ответил я с достоинством. — И не зови меня Берт.

— Как пожелаете. — Он был великодушен. — Если не хотите, шеф, не буду. Для всех — мистер Альберт Кемпион, для меня — мистер Альберт. А что ж оно за Питерс, о котором вы говорили?

— Знаем друг друга с детства, — рассказывал я. — Мы были очаровательными, невинными, голубоглазыми мальчиками и вместе ходили в школу в Ботольфс Эбби. Свин Питерс вырезал мне ржавым ножом порядочный кусок кожи на груди, чтобы сделать отметину как своему подопечному. Я орал так, что дурно становилось, и заехал ему в живот, а он в ответ сунул меня под открытый газовый кран и держал, пока я не потерял сознание.

Лагг был шокирован.

— В нашей школе такого не бывало. Этого только не хватало!

— Еще один недостаток государственных школ, — заметил я мирно, потому что не хотел его задеть. — Питерса я не видел с того дня, как меня отправили в больницу с отравлением светильным газом, но пообещал, что обязательно явлюсь на его похороны.

Это уже было по части Лагга.

— Достану вам черный костюм, — сказал он охотно. — Раз похороны, так похороны, тем более, если кого-то из ваших знакомых.

Я уже не слушал его, вернувшись к письму.

Почему он должен был умереть? Ведь он был так молод! По земле ходят тысячи людей, куда более готовых к смерти.

«Питерс, Питерс», — зовет ангел.

«Питерс, Пьетро, Пьеро, иди ко мне», — зовет ангел.

Почему? Почему он должен уйти? Почему он должен умереть — ведь он так крепок и так далек от этого? Корни в глине красны, а столетия влачатся все дальше. Почему оса должна лететь вспять — ведь еще нет одиннадцати...

Все это, как и водится с анонимками, было напечатано на машинке на обычной четвертушке бумаги, но без грамматических ошибок и с правильно расставленными знаками препинания, с чем я в своей практике еще не встречался. Я показал письмо Лаггу.

Он старательно его прочел и сделал восхитительно решительный вывод.

— Это из молитвенника, — сказал он. — Помню, учил такое еще совсем мальчонкой.

— Не говори глупостей, — возразил я спокойно, но Лагг все равно побагровел и уставился на меня своими черными глазками.

— Так я, значит, вру, — проговорил он свирепо. — Ладно, раз я вру, по-вашему, то тоже скажу, что обо всем этом думаю.

Подобное настроение у него мне знакомо, и я знаю, что если он втемяшил себе в голову какую-то теорию, переубедить его невозможно.

— Пожалуйста, — согласился я. — Что же все это означает?

— А ничего не означает, — ответил он с той же убежденностью.

Я попробовал иначе.

— А машинка какая?

Тут он мгновенно ожил.

— Портативный «Ройял», новый или во всяком случае с новым шрифтом, — никаких стоящих особых примет. Гляньте: «е» целенькое, как тот кусок трески, что у вас на тарелке остался. Бумага самая обычная — такую везде продают. Покажите конверт, — попросил он через минуту. — Лондон, круглый штемпель главного почтамта. Чего тут — ясное дело. Адрес нашли в телефонном справочнике. Бросьте в огонь и все.

Я, однако, не выпустил письмо из рук. В сочетании с объявлением в «Таймс» оно казалось мне занимательным со многих точек зрения. Лагг только презрительно фыркнул.

— Ребята вроде вас, о которых треплются повсюду, всегда получают анонимки, — заметил он, ничуть не скрывая, что ему это не по душе. — Еще поначалу куда ни шло, а теперь, как связались с легавыми да начали в каждую лужу крови нос совать, житья не будет. Если так оно и дальше пойдет, будут у нас на лестнице всякие дамочки сидеть в ожидании, что вы им автограф поставите на вышитой подушечке. Почему бы вам не снять хорошую квартиру в квартале получше, играть себе в покер да ждать, когда ваши знатные родственнички ноги протянут. Любой порядочный джентльмен так бы и сделал.

— Был бы ты бабой и умел готовить, я б на тебе женился, — отрезал я грубо. — Ворчишь ты уже и так, как законная жена.

Это заставило его прикусить язык. Он встал и вышел из комнаты, само воплощение оскорбленного достоинства.

Позавтракав, я снова обратился к письму. Как и раньше, оно производило впечатление сущего бреда. Потом еще раз прочел извещение в «Таймс».

Р. А. Питерс... Конечно, это Свин. Кто же еще? И возраст сходится. Я вспомнил, как он хотел подзатыльниками приучить нас называть его «джентльмен». Подумал я о том, как мы — Гаффи Рендол, я, Лофти и еще несколько мальчишек — тогда выглядели. Я был противным, заносчивым недоноском с прилизанными светлыми волосами и в очках; Гаффи для своего возраста — десять лет и три месяца — казался довольно крупным, а Лофти, выполняющий сейчас свои функции в

Верхней палате — с похвальным, хотя и не таким уж необходимым рвением, был похож на помесь тапира с самой обычной хрюшкой.

Свин Питерс, неизменно вершивший суд несправедливый, был тогда для нас истинной карой Божьей. Когда Свин Питерс швырнул в камин все листы моего гербария, я от всей души желал, чтоб он умер, а, вспомнив об этом за завтраком, чуточку удивился, поняв, что и сейчас желаю того же.

А он-таки, если верить «Таймс», и в самом деле умер. Мысль об этом немало меня утешила. В двенадцать лет он был толстым, румяным и противным, с белесыми ресницами. Не сомневаюсь, что и в тридцать семь он выглядел точно так же.

В соседней комнате послышалось громкое сопенье, и в дверях показалась голова Лагга.

— Шеф, — сказал он с дружеской застенчивостью, означавшей, что все уже прощено. — Я тут глянул на карту. Знаете, где этот Тетеринг? В двух милях на запад от Кипсейка. Едем?

Это решило вопрос. Рядом с Кипсейком в имении Хайуотерс живет полковник сэра Лео Персьюивант, начальник полиции графства, исключительно приятный человек. К тому же дочь его, Дженет, всегда мне нравилась.

— Ладно, — ответил я. — На обратном пути заедем в Кипсейк.

Лагг воодушевленно кивнул. Последний раз, когда мы туда заезжали, домашняя колбаса была — ничего не скажешь — первый сорт.

В путь мы отправились при полном параде. Лагг надел свою самую модную кепочку, делавшую его похожим на головореза, переодетшегося сыщиком; я был сверх обычного элегантен.

Тетеринг не произвел на нас потрясающего впечатления. Представьте себе: три квадратные мили поросших тростником болот, окружающих вспаханный холм, на котором несколько зданий — пяток маленьких домов, один побольше да еще старинная церковь — наступают друг другу на пятки, чтобы во время разлива не свалиться — не дай Бог! — в речку — и Тетеринг будет перед вами как на ладони.

Кладбище было заросшим и унылым. Сейчас, посреди зимы, глядя на него, было впору пожалеть Свина: Помнится, он всегда строил грандиозные планы, но его последний путь выглядел неважно.

Пожилой священник, судя по забрызганным грязью штанинам, приехал на велосипеде, который я заметил у ворот.

Причетник был в вельветовом костюме, а гробовщики — в синих спецовках. На остальных присутствующих я обратил внимание только потом. Похороны могут быть эффектными среди мраморных ангелов и прочих атрибутов цивилизации, а здесь, на краю света, в пропитанной дождем тишине, они просто угрюмы и печальны.

Мы стояли под морозящим дождиком, и полученное утром письмо совсем вылетело у меня из головы. Питерс был заурядным, мало симпатичным мерзавцем, и сейчас его обычно, спокойно хоронили. Всего-то и дела!

Однако, когда священник бормотал последние слова обряда, случилось нечто странное. Поразило меня это так, что я весь дернулся и чуть было не ткнул в бок Лагга.

Уже в двенадцать с небольшим лет Свин имел несколько отвратительных привычек, одной из которых было необычайно громкое откашливание. Начиналось оно с какого-то душераздирающего хрипа, а заканчивалось чем-то, напоминающим сдавленную икоту. Не могу описать точнее, но звук был очень характерный и больше я его ни от кого в жизни не слыхивал. За двадцать лет я успел позабыть этот звук, но когда мы уже поворачивались, чтобы расходиться от могилы, в которую опустили гроб, я услышал его совершенно отчетливо. Свин представился мне настолько живо и пугающе, что у меня волосы на голове зашевелились. Я испуганно огляделся по сторонам. Кроме могильщиков, священника, причетника, Лагга и меня, на кладбище оставалось четыре человека, каждый из которых выглядел вполне невинно.

Слева от меня стоял симпатичный солидный мужчина, а за ним девушка в трауре. На лице у нее было выражение не столько скорби, сколько скуки, и, заметив мой любопытный взгляд, она улыбнулась мне. Я поскорее перевел взгляд на пожилого господина в цилиндре, принявшего позу, которая вообще-то должна выражать глубокое горе, но в данном случае была, мягко выражаясь, малоубедительной. В моей жизни редко кто с первого взгляда производил на меня такое отталкивающее впечатление. Седые закрученные усики его поблескивали под дождем.

Впрочем, я перестал обращать на него внимание, как только сообразил, что четвертый человек из оставшихся еще на кладбище — это Джилберт Уиппет. Похоже, что он минут десять стоял рядом, но я заметил его только теперь, что очень характерно для Уиппета.

Мы с Уиппетом учились в Ботольфс Эбби, только он был чуть-чуть младше. Когда меня перевели в другую школу, через некоторое время туда же перевели и его. Я не видел его лет

двенадцать или четырнадцать, но, если не считать того, что он, как и следовало ожидать, вырос, он совсем не изменился.

Описать Уиппета так же просто, как описать воду или внезапный звук в ночи. Он неопределенен — и это не только его единственная характеристика, но, пожалуй, его сущность. Как он выглядит, не знаю, за исключением того, что у него должно быть, из общих соображений, какое-то лицо, ну, а если бы не было, это уж было бы отличительной приметой. На нем был серовато-коричневый плащ, сливавшийся по цвету с окружающими кустами, и смотрел он на меня неопределенно, но все-таки словно бы узнавая.

— Уиппет! — воскликнул я. — Что ты тут делаешь?

Он не ответил, и я автоматически поднял руку, чтобы ущипнуть его. Прежде он никогда не отвечал, пока его не ущипнешь, а сила привычки — великое дело. К счастью, я вовремя остановился, сообразив, что за годы, прошедшие с нашей последней встречи, он, несомненно, приобрел нормальные гражданские права. Не знаю почему, это вызвало у меня раздражение, и я строго спросил:

— Уиппет, почему ты приехал на похороны Свина?

Он заморгал, и я вспомнил, какие у него круглые светло-серые глаза.

— Я... просто... получил извещение, по крайней мере, мне так показалось, — робко ответил он своим хорошо знакомым мне хрипловатым голосом, всегда звучавшим так, словно Уиппет сам не очень уверен в том, что говорит. — Я... понимаешь... оно пришло сегодня утром, вот посмотри...

Порывшись в кармане, он вытащил листок. Я понял, что это, еще раньше, чем начал читать. Родной братец этого письма лежал у меня в кармане.

— Странно, правда? — сказал Уиппет. — Особенно об осе — так как-то необычно. Вот я... вот я и приехал.

Его голос, как я и ожидал, перешел на шепот, а вместе с его последними звуками испарился и Уиппет — не то, что невежливо, а так, как незаметно расплывается туман или еще что-нибудь в этом роде. Листок он оставил у меня в руках по ошибке — в этом я не сомневаюсь.

Я брел с кладбища, замыкая поредевшую процессию. Когда мы уже вышли на дорогу, симпатичный солидный мужчина, на которого я еще раньше обратил внимание, оказался рядом со мной. Задать вопрос, вертевшийся у меня на языке, было не так-то просто, и я раздумывал, как сформулировать его, чтобы никого не задеть, когда он внезапно сам пришел мне на помощь.

— Печальное событие, — произнес он. — Совсем еще молодой человек. Вы были хорошо с ним знакомы?

— Не знаю, — ответил я, понимая, что звучит это по-идиотски, и чувствуя на себе его удивленный взгляд.

Мужчина был, между прочим, довольно крупный, лет, наверное, чуть больше сорока, с круглым энергичным лицом.

— Дело вот в чем, — сказал я. — Я ходил в школу с одним Р. А. Питерсом и, когда утром просматривал «Таймс», мне пришло в голову, что я все равно еду в эти края и мог бы зайти сюда.

Он ласково улыбался мне, словно догадываясь, что я знаю чуточку больше, чем говорю, а я продолжал бормотать:

— А вот теперь, когда я здесь, мне кажется, что это не те похо... Я хочу сказать, что это, наверное, какой-то другой Питерс.

— Этот был коренастым, грузным мужчиной, — задумчиво проговорил мой собеседник. — Глубоко посаженные глаза, светлые ресницы, слишком толстый для своих тридцати семи лет. Среднюю школу окончил, кажется, в Шипсгейте, а потом учился в Тотхеме.

Его слова подбодрили меня.

— Да, — сказал я, — это мой Питерс.

Мужчина мрачно кивнул.

— Печальное событие, — повторил он. — Он приехал сюда после операции аппендицита. Не стоило ему делать ее — сердечко было слабовато. По дороге подхватил воспаление легких и... — он пожал плечами, — я уж ничем не мог помочь ему, бедняге. Из его родных здесь никого нет.

Я молчал. О чем тут, собственно, говорить?

— Я живу вон там, — он неожиданно кивком показал на единственный более-менее приличный дом. — Беру к себе выздоравливающих, их у меня всегда по несколько человек. И до сих пор еще никто не умирал. Я — здешний врач.

Я посочувствовал ему. Вопрос «Не занял ли, случайно, Питерс у вас денег?» уже вертелся у меня на языке. Врач об этом не упоминал, но я и так догадывался, что нечто в этом роде должно было случиться. Спрашивать, однако, не стал — не было смысла.

Пару минут мы постояли, разговаривая ни о чем, как обычно бывает в подобных обстоятельствах; потом я вернулся в Лондон. В Хайуотерс мы, к большому неудовольствию Лагга, не заехали. Не то, чтобы мне не хотелось повидать Лео или Дженет, но по какой-то необъяснимой причине я был выбит из колеи похоронами Свина и тем, что это оказались действительно его похороны. Печальные звуки убогого обряда едва слышным эхом продолжали отдаваться в моих ушах.

Письма были абсолютно одинаковыми — я сравнил их дома. Уиппет, видимо, так же, как и я, читал «Таймс». Странно только, что и он заметил связь между письмом и объявлением в газете. А тут еще совсем уж ни на что не похожее откашливание и тот мерзкий тип в цилиндре, о девушке с плутоватыми глазами я уж и не говорю.

Хуже всего, что все это не давало мне забыть Свина. Я вытащил старую фотографию нашей футбольной команды и внимательно всматривался в нее. Лицо у него было выразительное. Уже тогда можно было предположить, что из него вырастет.

Однако я постарался забыть о нем. В конце концов нервничать не из-за чего: он мертв, больше я его уже не увижу.

Все это случилось в январе. До июня я успел совсем забыть о Свине. Как-то раз я вернулся с совещания в Скотленд-Ярде, где присутствовал также и Станислав Оутс и все мы поздравляли друг друга с раскрытием нашумевшего кингсфордского убийства, когда позвонила Дженет.

Я никогда не замечал у нее склонности к истерии, и поэтому меня удивил ее нервный, срывающийся голос.

— Это ужасно. Лео говорит: тебе надо немедленно приехать. Нет, Альберт, по телефону я не могу сказать, но Лео боится, что один человек тут... Слушай, Альберт, он У — как устрица, Б — как бифштекс, И — как история, Т — как...

— Ладно, — согласился я, — уже еду.

Лео встретил меня и Лагга на ступеньках у входа в Хайуотерс. За его спиной возвышались могучие белые колонны дома, построенного архитектором, не выходившим в годы учения, видимо, из Британского музея. Лео великолепно выглядел в старомодном охотничьем костюме и зеленой шляпе, напоминавшей цветочный горшок, — хоть снимай для семейного альбома.

Он решительно сошел со ступеней и схватил меня за руку.

— Мальчик мой, — сказал он, — ни слова... ни слова! — Он сел в машину рядом со мной и махнул рукой в сторону поселка. — В полицейский участок, прежде всего, туда.

Я знаю Лео не первый год, и мне известно, что его самая характерная черта — целеустремленность, каждую минуту двигаться только к одной-единственной цели, с пути к которой его могла бы заставить свернуть разве что толпа разъяренных бедуинов. Уверен, что план кампании был готов у него сразу же, как он услышал, что я выехал. Ну, и в той мере, в какой я был частью этого плана, мне оставалось только подчиняться.

Всю дорогу он почти не раскрывал рта, за исключением распоряжений, куда ехать. Через несколько минут мы стояли на пороге пристройки за полицейским участком. Прежде всего Лео отпустил охранявшего вход полицейского, а потом крепко схватил меня за лацкан пиджака.

— Так вот, мальчик мой, — проговорил он, — я хочу знать твое мнение, потому что верю тебе. Я ничего тебе не внушал, ничего не подсказывал, вообще ничего не говорил. Правильно?

— Да, конечно, — ответил я, что соответствовало правде.

Это, кажется, успокоило его, потому что он пробурчал:

— Ладно, ладно. А теперь войдем.

Он провел меня в пристройку, пустую, если не считать доски на козлах посредине комнаты, и снял простыню с лица человека, лежавшего на доске.

— Вот так, — сказал Лео, — вот так, Кемпион, что ты об этом думаешь?

Я стоял и молчал. На столе лежало тело Питерса, прозванного Свином. Это был Свин Питерс точно так же, как Лео был Лео. Даже не прикасаясь к его безвольно повисшей пухлой руке, я видел, что он не может быть мертв больше, чем... ну, скажем, двенадцать часов.

Но ведь в январе... А сейчас уже июнь.

Глава 2

ПРАВИЛЬНОЕ УБИЙСТВО

Как и следовало ожидать, я был несколько потрясен. Минуту я стоял и таращился на труп, словно это было Бог весть какое захватывающее зрелище.

Лео, наконец, заворчал и откашлялся.

— Мертв, само собою, — сказал он, лишь бы вывести меня из транса. — Бедняга, хоть и последний был мерзавец. О мертвых не стоило бы так говорить, но, что делать, правду никуда не затолкаешь.

Лео и впрямь так выражается. Сейчас меня, однако, интересовала не столько форма, сколько содержание, вот почему я спросил только:

— Так вы, значит, знали его?

Лео побагровел, его седые усы ошетинились.

— Пришлось с этим господином встретиться, — пробормотал он, явно показывая, что стыдится этого факта. — Признаюсь, что еще вчера у меня был с ним исключительно неприятный разговор. Так и знай. Факт довольно подозрительный при данных обстоятельствах, но тут уж ничего не поделаешь. Так оно и есть.

Поскольку от всего этого дела и без того пахло мистикой, я решил, что не стоит забивать голову Лео еще и своей историей.

— Как его звали? — спросил я дипломатично. Как и у большинства кадровых военных, обычно выражение светло-голубых глаз Лео удивительно невинно.

— Возможно, он за кого-нибудь выдавал себя? — предположил он. — Слово чести, правдоподобно. Мне это и в голову не приходило. Подозрительный тип!

— Не знаю, не знаю, — сказал я поспешно. — Кто он, собственно говоря?

— Некий Гаррис, — неожиданно с презрением проговорил Лео. — Освальд Гаррис. Денег куры не клевали, а манеры, как у прусского фельдфебеля. И то еще мягко сказано. Жуткий тип.

Я снова взглянул на труп. Определенно, это был Свин. Я бы его узнал где угодно, меня только поразило, насколько мальчик являет собой прообраз взрослого мужчины. Мысль, заслуживающая внимания, если присмотреться к некоторым детям!

Однако здесь перед нами был Свин. Свин мертвый вторично — через пять месяцев после своих похорон. Лео начинал уже терять терпение.

— Рану видишь?

Тоже мне, мода задавать очевидные вопросы! Темя на рыжеватой голове было вдавлено так, словно это была не голова, а спустивший футбольный мяч — даже не по себе становилось, тем более что кожа осталась почти не тронутой. Страшный удар! Просто не верилось, что его нанесла человеческая рука. Будто Свина лягнул через шляпу ломовой жеребец. Так я и сказал Лео.

Он посмотрел на меня с довольным видом.

— Почти в точку, мой мальчик, — воскликнул он с приятно пощекотавшим мое самолюбие восхищением. — Просто удивительно! Ты же знаешь, что я недолюбиваю все эти ваши дедукции, но скажи вместо ломовой жеребец «ваза» и будешь абсолютно прав. Напомни, чтобы я рассказал об этом Дженет.

— Ваза?

— Для пеларгоний, каменная, — объяснил он как ни в чем не бывало. — Такая большая, их еще называют орнаментальными. Да ты должен был видеть их, Кемпион. Просто безумие ставить их на карнизе, я об этом не раз говорил.

Понемногу я начинал кое-что понимать. Второй переход Свина в мир иной был, очевидно, вызван ударом каменной вазы для цветов, свалившейся на него с какого-то карниза. Похоже, что на этот раз переход был окончательным.

Я посмотрел на Лео. Что-то оба мы необычно осторожны и сдержанны.

— Подозреваете убийство, полковник? — спросил я. Он сразу обмяк и втянул голову в плечи.

— К сожалению, да, мой мальчик, — ответил он наконец. — Никуда не денешься. Эта ваза стояла в одном ряду с другими на карнизе. Я сам проверил: все держатся, как гибралтарская скала, с места не сдвинешь. Не один год простояли. Ну, и эта ваза не могла сама по себе соскочить с карниза, верно ведь? Что-то должно столкнуть ее — или кто-то. А в результате возникает чертовски неприятная ситуация. Это мы должны отчетливо понимать.

Я снова прикрыл тело Свина. По-человечески мне стало немного даже жаль его, но ясно было и то, что до самой последней минуты он сохранил способность причинять людям зло.

Лео вздохнул и произнес:

— Я полагал, что ты согласишься со мной.

Меня одолевали сомнения. Не могу сказать, что Лео относится к числу великих мыслителей нашей эпохи, тем не менее вызвать меня из Лондона только для того, чтобы я подтвердил очевидную вещь: «Да, Свин умер именно от этой раны на голове» — он все-таки не мог. Я решил, что тут должно быть что-то еще и, конечно, этого «что-то еще» оказалось даже слишком много, как потом выяснилось.

Лео ткнул меня в плечо своим толстым указательным пальцем.

— Мне бы хотелось побеседовать с тобой, мой мальчик. С глазу на глаз. Рано или поздно надо это сделать. Заедем в «Серенаду», и там тебе все станет понятно,

Я и так уже начал кое-что понимать.

— П... Гаррис был убит в «Рыцарской серенаде»?

Лео кивнул.

— Бедняга Поппи! Такая чудесная достойная женщина, ты же знаешь, Кемпион. Там никогда ничего подобного не случилось — до сегодняшнего дня.

— Еще бы! — подтвердил я, несколько шокированный.

Лео посмотрел на меня.

— В некоторых деревенских клубах... — начал он многозначительно.

— Только не убийства, — уверенно прервал его я, и он сразу сник.

— Пожалуй, ты прав. Заедем туда. Выпьем по стаканчику перед ужином.

Пока мы шли к машине, я постарался еще раз все продумать. Тот, кто хочет представить, что такое «Рыцарская серенада», должен знать, что такое Кипсейк. Кипсейк — это что-то вроде затерянного рая. Большая деревня, расположенная как раз настолько далеко от города и автостреды, что сохранила свою неповторимость, не будучи при этом смешной. Тут есть церковь еще норманнских времен, поросшая травой и обсаженная по краям ильмами, площадь, на которой играют в крикет, и три отличных питейных заведения; люди здесь живут с независимыми взглядами, еще не проникшиеся городским духом. Кипсейк лежит в широкой долине реки, окруженный кольцом небольших имений и ферм, владельцы которых, если верить Лео, все сплошь отличные, порядочные люди. Самое большое из этих имений — «Рыцарская серенада».

Когда-то в старину в «Серенаде», полученной в наследство от прабабушки, в свою очередь, как видно из названия, подаренной ей возлюбленным, отправившимся в крестовый поход, жил какой-то благородный сэр, владевший всей округой. Поскольку времена меняются, а вместе с ними и состояния, благородный сэр и его наследники распродавали имение по частям, пока совсем не исчезли из этих мест.

Дом и так примерно акров девятьсот лугов и пастбищ висели камнем на шее одного бедняги, пока Поппи

Беллью не отреклась от суетного света и не купила «Серенаду», сделав из еще не успевшей развалиться части дома самую прелестную деревенскую гостиницу во всем Соединенном Королевстве.

Поскольку Поппи от природы человек с размахом и неумейной энергией, она вместо того, чтобы ломать голову над тем, почему луга и пастбища приносят год за годом убытки, а не доходы, устроила великолепное поле для гольфа с восемнадцатью лунками, оставшуюся же от девяти сот акров землю приберегла на черный день. Вскоре одного неглупого человека осенило, что это просто идеальное место для скачек с препятствиями, и к тому дню, когда Свину на голову свалилась ваза, соревнования проводились там пятую весну подряд.

Жилось в «Серенаде» по-домашнему лениво и уютно. Когда, случалось, появлялся человек, способный, так сказать, испортить атмосферу дома, Поппи умела от него избавиться. В общем, трудностей у нее не было. Поппи любила общество, и все здесь отвечали ей взаимностью.

Сказанное мне Лео было любопытно. То, что Свин был убит в «Рыцарской серенаде», я еще мог представить, но вот каким образом ему удалось пробыть там достаточно долго, чтобы до этого могло дойти — вот в чем вопрос.

Лео между тем подошел к машине и недоверчиво присматривался к Лаггу. У Лео армейские понятия о дисциплине, отсутствующие, разумеется, у Лагга. Я предвидел, что через мгновение ситуация станет критической.

— Кстати, Лагг, — сказал я с весьма принужденной сердечностью, — я сейчас поеду с сэром Лео в «Рыцарскую серенаду», а ты, пожалуй, возвращайся в Хайуотерс. Автобусом или как-нибудь.

Лагг смотрел на меня, и в глазах его горел мятежный огонь. В последнее время прискорбное состояние его суставов было постоянной темой наших бесед.

— Автобусом? — повторил он и несколько запоздало, поймав пристальный взгляд Лео, добавил «сэр».

— Да, — ответил я, совершенно ошавев, — такой большой зеленой коробкой. Ты их, наверное, и раньше видел.

Лагг тяжело, с достоинством выкарабкался из машины и даже снизошел до того, что подержал Лео дверцу. На меня он, однако, глядел из-под своих толстых белых век задумчивым, испытующим взглядом.

— Станный тип этот твой слуга, — заметил Лео, когда машина уже тронулась. — Обрати-ка на него внимание, мой мальчик. Он что, спас тебе жизнь в бою?

— Господи помилуй, нет, — ответил я немного удивленно. — С чего бы это?

Лео высморкался.

— Не знаю. Просто пришло в голову. — Он помолчал и с поразившей меня спокойной рассудительностью добавил: — Есть, по крайней мере, полдюжины хороших людей, включая и меня самого, которые вчера вечером с удовольствием переломали бы все кости тому мерзавцу. Похоже, что кто-то из нас потерял-таки голову. Я говорю с тобой, разумеется, совершенно откровенно.

Я остановил машину на обочине. Мы были как раз на длинном прямом участке неподалеку от «Пса и петуха».

— Я бы не прочь услышать об этом подробнее.

И он своим приятным, усталым голосом все изложил. С учетом всех обстоятельств его рассказ кое-что мне объяснил.

В прошлом году было объявлено о продаже двух расположенных поблизости ферм; обе были куплены анонимным покупателем при посредничестве двух лондонских адвокатских фирм. Тогда никого это особенно не тронуло — удар обрушился примерно за неделю до нашего разговора. Лео, зашедший в «Серенаду» поиграть в бридж и пропустить стаканчик, нашел там все вверх дном, а нашего милейшего Свина — из всех людей на земле именно его — в качестве гостя. Свин сидел, развалившись, и спокойно, подробнейшим образом излагал свои планы по благоустройству деревни. Планы эти включали строительство водолечебницы, стадиона для собачьих бегов, кинотеатра с танцплощадкой и прочих прелестей, способных привлечь сюда жителей соседнего промышленного города.

Когда Лео отвел Поппи в сторону и начал добиваться объяснения происходящему, она расплакалась и призналась во всем. Деревенский комфорт и гостеприимство оказались довольно накладными. Поппи не хотела огорчать своих клиентов, которые были одновременно ее самыми лучшими, близкими друзьями, и решила на заем, предоставленный ей на самых выгодных условиях каким-то солидным джентльменом из Лондона. Только теперь выяснилось, что за этим «милым джентльменом» скрывался мерзавец Свин, как назло потребовавший возвращения ссуды именно в тот момент, когда Поппи истратила практически все деньги на то, чтобы разделаться со счетами.

Лео, как никто другой, оправдывающий свое гордое имя, галантно поспешил на помощь. Он объездил всю округу, поговорил со знакомыми, согласившимися скинуться на это благородное дело, и, вооруженный деньгами и парой вполне корректных аргументов, явился к Свину, который разбил свой лагерь в «Серенаде».

Однако он потерпел поражение. Свин стоял на своем. Денег у него хватало. Свин желал иметь Кипсейк и сделать из деревни свиношник, пусть даже и позолоченный.

Адвокат Лео, вызванный из Нориджа, подтвердил худшие опасения своего клиента. Поппи чересчур уж поверила в благие намерения милого джентльмена, и теперь юридические права Свина были неоспоримы.

Лео и его друзья, сознавая, что со своими деньгами, «Серенадой» и двумя соседними фермами Свин сумеет изгадить не только Кипсейк, но и их жизнь, испробовали другой метод. Как намекнул Лео, мужчины всегда готовы сражаться за свой домашний очаг. Инстинктивная привязанность, которую возбуждают в человеке деревья и поля, может раздуть огонь и в самом смиренном сердце.

Были неприятные объяснения, нескольким гостям Свин предложил покинуть «Серенаду». Но Лео и большинство его друзей продолжали борьбу, строя самые невероятные планы.

— А сегодня утром, понимаешь, — спокойно закончил Лео, — когда этот тип спал в шезлонге под окном салона, на него свалилась с карниза ваза! Исключительно неприятное дело, Кемпион.

Я нажал на педаль газа и молча повел машину. Я думал о Кипсейке, о тенистых вековых деревьях, ароматных лугах и прозрачных ручьях, и мне казалось, что вся эта история просто взывает к небу. Кипсейк принадлежит этим старикам и их детям, это их святыня, их единственное убежище. Если Свину хотелось награть побольше денег, почему, Господи, он выбрал именно Кипсейк? В Англии тысячи других деревушек. Видимо, они — во всяком случае, один из них — решили спасти Кипсейк от Свина. К сожалению, это было достаточно очевидно.

Мы оба молчали, пока машина не свернула под норманнскую арку — главный въезд в «Рыцарскую серенаду». И тут Лео вдруг взорвался:

— Еще один мерзавец!

Я взглянул на невысокую фигурку, шагавшую навстречу по дороге, и от удивления чуть не съехал на газон. Узнал я ее мгновенно, главным образом, по тому инстинктивному отвращению, которое она во мне вызвала. Это был очень неприятный, чванливый и надутый старикан, тот самый, который на первых похоронах Свина ронял слезы всем напоказ в платок с широкой черной каймой. Сейчас он выходил из «Серенады» с видом человека, чувствующего себя здесь как дома.

Глава 3

ВОТ ТУТ ОН И УМЕР

Старикан посмотрел на меня с любопытством и, видимо, счел заслуживающим его внимания, потому что я просто физически ощутил, как сверлит меня из-под нависших век пара быстрых красноватых глаз.

Он вежливо поздоровался с Лео, помахав ему своей соломенной шляпой. То, что, судя по всему, должно было изображать старомодное грациозное движение, выглядело довольно смехотворно.

Лео проглотил слюну и поднял руку к своей зеленой твидовой шляпе.

— Не каждый, с кем человек здороваётся, — его приятель, — пробормотал он с отчаянным видом и поспешил вернуться к нашему разговору. Я понял, что об этом человеке говорить ему не хочется.

— Будь повнимательней к Поппи. Это прекрасная женщина, но за последние два дня на нее слишком много свалилось. Мне бы не хотелось, чтобы ты напугал ее. Веди себя с ней поделикатнее, Кемпион, словно бы в перчатках.

Я, естественно, почувствовал себя задетым за живое. Грубияном я никогда не слыл; уж если на то пошло, так я человек спокойный и сговорчивый.

— Последний раз, полковник, я избил женщину десять лет назад.

Лео сердито взглянул на меня: он не любит, когда ему противоречат.

— Надеюсь, что ничего подобного не было, — сказал он строго. — В противном случае ты не был бы сыном своей матери — доброй, очаровательной женщины! Я беспокоюсь о Поппи, Кемпион. Ей так трудно, бедной крошке.

Я почувствовал, как у меня сами собой поднимаются брови. Человек, для которого Поппи — бедная крошка, может и впрямь бояться, что ее обидят. Я Поппи люблю. Она действительно чудесная женщина, но «бедная крошка» — это уж прошу прощения. Лео путает свои идеалы с действительностью, о чем я мог бы сказать, смертельно обидев, если бы в этот момент мы не выехали из-за деревьев и не увидели ожидающий нас дом.

Ни одно английское поместье не заслуживает этого названия, если у вас, когда вы посмотрите на него июньским вечером, не будет дух захватывать от восторга, но «Рыцарская серенада» вообще вне всякой конкуренции. Это длинное низкое строение из кирпича цвета раздавленной клубники, с окнами изящной формы. Фасад в георгианском стиле эффектно выделяется на фоне остатков норманнской постройки, которые возвышаются позади дома в окружении старых каштанов. Как и во многих домах Восточной Англии, главный вход находится в боковой стене, так что газонам ничто не мешает подходить к самому дому.

Когда мы подъехали, я с радостью заметил, что двери открыты, как и обычно; только, кроме скучающего полицейского, стоявшего на страже, нигде никого не было видно.

Я не сразу понял, почему он явно смутился при виде нас, пока не увидел поблескивающий рядом с его ногой оловянный кувшин. Поппи с пониманием относится к своим ближним.

Тронув Лео за плечо, я изложил ему свои намерения. Он заморгал.

— Пусть будет и так, мой мальчик. Только сначала осмотри то место, если хочешь, конечно. Этот тип сидел вон там.

Он провел меня вдоль стены дома. Под окном стоял похожий на японский пестрый, с виду довольно неустойчивый шезлонг.

— Ваза, — показал Лео.

Я наклонился и приподнял два мешка, которыми был прикрыт предмет. Увидев его, я сразу же понял причину пессимизма Лео: здоровенная каменная штукавина, фута два с половиной в высоту и диаметром в два фута, разукрашенная амурами и ананасами. С землей ваза должна была весить центнера полтора, не меньше. Не удивительно, что она убила Свина, — странно только, что она не раздавила его в лепешку. Я сказал об этом Лео.

— Раздавила — мокрого пятна не оставила бы, мой мальчик, но она задела его самым краешком. Как раз по голове, понимаешь, сквозь шляпу. А это шезлонг, но тут ты ничего не увидишь.

Он сбросил еще один мешок, и мы увидели смятый каркас и порванное полотно. Лео беспомощно пожал плечами.

Я отошел чуть дальше по газону и посмотрел на карниз. Он был длинный, с лепным орнаментом, украшающим обычно фасады георгианских домов и страшно похожим на кремовые завитушки на торте. За карнизом в конусообразной крыше были прорублены небольшие окна третьего этажа.

На карнизе виднелось еще семь ваз, расставленных на равных расстояниях друг от друга, кроме одного, о многом говорящего промежутка. С виду они не представляли никакой опасности, похоже, что стояли там с незапамятных времен.

Мы вернулись к дому.

— Я не понимаю еще одного, — заметил я. — Убийца шел как-никак на огромный риск. Прямотаки авантюрное предприятие.

Лео поглядел на меня, словно пытаюсь понять, что за чушь я несусь. Я продолжал, стараясь выражаться как можно яснее.

— Я вот что имею в виду. Гаррис мог ведь быть не один? Что, если бы кто-то подошел к нему поговорить?

Человек, столкнувшийся вазу с карниза, не мог быть полностью уверен, что попадет именно в Гарриса, разве что вылез бы на карниз и глянул вниз, а это уж чистое безумие.

Лео покраснел, как пион.

— Гаррис был один, — сказал он. — Он сидел там еще до того, как мы пришли перед полуднем. Никому и в голову не пришло бы подсесть к нему. Сидит и пусть сидит. Он на нас не обращал внимания, и нам его компания была ни к чему, так что мы сразу вошли в дом. Я играл в карты в салоне, вон за тем окном, когда эта чертова штука свалилась ему на голову. Можешь считать, что я вел себя по-детски, но так оно все и было, — проговорил он несколько сконфуженно. — Уж очень противен был этот мерзавец.

Я присвистнул. Мрак начинал рассеиваться.

— Кого вы имеете в виду, говоря «мы»?

Лео совсем расстроился.

— Нас было человек десять, все абсолютно вне всяких подозрений. Зайдем.

Едва мы ступили на паркет холла и вдохнули мягкий прохладный аромат старого дерева и цветов — неподдельный запах хорошего сельского дома, как появилась Поппи. Кругленькая, ласковая и гостеприимная, как всегда.

— Это ты, малыш? — сказала она и взяла меня за руку. — Рада тебя видеть. Вы просто молодец, Лео, что послали за ним. Правда, ужасная история? Пойдемте выпьем что-нибудь.

Не переставая щебетать, она провела нас по широкой каменной лестнице в большой светлый салон с глубокими, удобными креслами.

Описать Поппи не так-то просто. Ей чуть больше пятидесяти, из-под густых седых локонов широко улыбается рот и глядят огромные голубые глаза. До сих пор было несложно, а вот дальше пойдет труднее. Из нее так и брызжет дружелюбие, энергия и какая-то наивная своенравность. Одевается она ужасно: в пышные цветастые платья и корсажи, украшенные таким количеством воланов, что хватило бы на паруса целому фрегату. И тем не менее, это отвечает ее индивидуальности, если не фигуре. Людям нравится Поппи — вот и ладно.

Лео, тот явно в восторге от нее.

— Такой гнусный тип этот Гаррис, — сказала она, наливая мне виски. — Лео рассказал тебе о нем и обо мне? О том, как он поймал меня на крючок... Рассказал? Значит, порядок. Вот так до этого и дошло. И хоть нехорошо поступил тот, кто... очень нехорошо, но... знаете, ребята, он хотел сделать как лучше.

— Ну и ну! — фыркнул Лео.

— Я, наверное, глупости горожу, Альберт? — Она бросила на меня умоляющий взгляд. — Я их предупреждала вчера вечером, что это опасно. Так прямо и сказала: будут неприятности. И само собой, так оно и есть.

Я перехватил полный ужаса взгляд Лео и, заинтересованный, подвинулся ближе к нему. Поппи посмотрела на Лео.

— Вы ему об этом не говорили? — спросила она. — Надо сказать. Иначе это уже будет нечестно.

Лео старательно избегал моего взгляда.

— Собирался сказать. Кемпион здесь всего каких-то полчаса.

— Скрыть хотел, — отрезала Поппи с сокрушительной прямоотой, — а это ни к чему хорошему не приведет. Вот когда узнаем правду, — наивно добавила она, — тогда и решим, в чем признаваться, а в чем нет.

Вид у Лео был растерянный, и он явно хотел что-то ответить, но она его перебила.

— Это было так, — доверительно поведала она, дружески, хотя и без особого темперамента, похлопав меня по руке. — Пара моих самых отчаянных старичков придумала вчера вечером дьявольский план. Решили напоить Гарриса, а когда тот будет уже тепленький, поговорить с ним по-мужски, тогда в наплыве дружеских чувств он подпишет документ, подготовленный ими заранее, в котором он отказывается от своих прав, или... как там это называется?

Она замолчала и посмотрела на меня с сомнением, по-моему, вполне обоснованным. Поскольку я и бровью не повел, она двинулась дальше.

— Я с этим не согласилась, — проговорила она серьезно. — Я сказала им, что это глупо и к тому же не совсем честно. Они, однако, возразили, что Гаррис тоже не был честен с нами, что, само собою, правда, и просидели с ним вчера весь вечер. Может, что-нибудь и вышло бы, но он вместо того, чтобы размякнуть, становился только все злее и злее — знаете, с некоторыми бывает и так — и прежде, чем они успели ублажить его, уснул, поэтому им пришлось помочь ему добраться до постели. С утра его ужасно мучило похмелье, и он решил вздремнуть на свежем воздухе. Все утро он с места не сдвинулся, а потом на него свалилась эта проклятая штука.

— Неприятно, — пробормотал Лео, — ужасно неприятно.

Поппи перечисляла мне имена заговорщиков. Все сплошь почтенные люди, которые могли бы вести себя и поумнее. Слово все они вернулись во времена студенчества, и я уж хотел как-то помягче намекнуть об этом Поппи, но она прервала меня.

— Инспектор, которого прислал Лео, — такой милый человек, надеется получить повышение, во всяком случае намекал мне на это — вытянул из слуг все, что можно было, но ничего толком не выяснил, да и не мог выяснить, учитывая умственные способности бедняжек. Будет грандиозный скандал. Это ведь должен был сделать кто-то из гостей, а у меня здесь бывают одни порядочные люди.

Я не ответил, потому что в этот момент в комнату вошла девушка с невыразительным лицом, явно не выглядевшая достаточно сообразительной, чтобы сбросить вазу или что бы то ни было еще именно на самого нежелательного гостя, и сообщила, что, если есть тут некий мистер Кемпион, так его вызывают к телефону.

Я был убежден, что это звонит Дженет, и направился в холл, полный приятного ожидания. Едва я взял в руки трубку, бодрый голос телефонистки произнес: «Вас вызывает Лондон».

Учитывая, что я выехал из города в Хайуотерс неожиданно и всего пару часов назад и что никто на свете, кроме Лагга и Лео, не знал, что я нахожусь в «Рыцарской серенаде», я решил, что произошла какая-то ошибка, и намекнул на это телефонистке.

— Нет, все правильно, вас вызывает Лондон, — повторила она с ласковой терпимостью, — Не вешайте трубку, с вами будет говорить Лондон.

Я не вешал трубку и притом довольно долго.

— Алло, — сказал я наконец. — Алло, Кемпион слушает.

Мне никто не ответил, послышался только слабый вздох, а потом кто-то на другом конце провода положил трубку. Это было все.

Странное и порядком беспокоившее меня приключение.

Прежде чем вернуться к остальным, я поднялся на самый верхний этаж, чтобы взглянуть на карниз. Там никого не было, и большинство дверей оказались распахнутыми, так что я без труда нашел место, где стояла ваза Свина.

Место это было как раз перед кладовой, и, по-моему, ваза здорово мешала свету попадать туда. Уже беглый осмотр убедил меня в том, что любую версию, сваливающую вину на неловкого голубя или легкомысленную кошечку, можно сразу отвергнуть. Карниз порос мхом, за исключением проплешины, на которой покоилось основание вазы. Этот коричневый квадрат был чист, если не считать пары мертвых жуков, обычно встречающихся под камнями; посредине квадрата была небольшая выемка, в которую ради вящей безопасности входил выступ на дне вазы.

О том, что ваза упала случайно, не могло быть и речи. Сильный и энергичный человек должен был сначала приподнять ее и только потом сбросить вниз.

Насколько я мог судить, ничего достойного внимания там не было, разве что мох на краю карниза оказался влажным, но о том, как важно это обстоятельство, мне тогда еще и не снилось.

Я вернулся в салон. От природы человек неприметный, я к тому же вошел тихо, поэтому ни Лео, ни Поппи не обратили на меня внимания. Зато я расслышал их слова, произносимые громко и с чувством.

— Дорогая моя, поверьте, я не хочу совать свой нос в ваши личные дела — у меня этого и в мыслях нет — но это был естественный вопрос. Черт возьми, Поппи, этот тип — явный проходимец,

а я вижу, как он выходит отсюда с таким видом, будто дом принадлежит ему. Но если вы не хотите сказать мне, кто это, то и не говорите.

Поппи смотрела на него. Лицо у нее покраснелось, на глазах появились слезы от негодования.

— Он пришел из деревни... продавал бланки для... для игры в вист, — ответила женщина, а я подумал, что она и соврать-то, как следует, не умеет.

Потом я, конечно, сообразил, о чем это они с Лео беседуют.

Глава 4

СРЕДИ АНГЕЛОВ

Я осторожно откашлялся, Лео обернулся и виновато взглянул на меня. Вид у него был несчастный.

— Ага, — проговорил он растерянно, — ага, Кемпион. Надеюсь, никаких дурных известий?

— Вообще никаких, — ответил я, не погрешив против правды.

— Так это же хорошо! Это просто отлично, мой мальчик! — вдруг шумно обрадовался он, встал и с излишним энтузиазмом хлопнул меня по плечу. — Отсутствие известий — лучшее известие. Так ведь говорится, верно? Именно так. Поппи, дорогая, нам уже пора идти. Знаете, ждем гостей к ужину. До свидания! Пошли, Кемпион. Ну, я рад, что у тебя добрые вести.

Старина явно болтал чушь, и мне стало жаль его. Поппи все еще продолжала сердиться. Лицо ее было покрыто румянцем, а глаза полны слез.

Мы вышли.

Я снова притащил Лео на газон и еще раз осмотрел вазу. Выступ был цел и выдавался из гладкого дна дюйма так на два с половиной.

Лео задумчиво посмотрел на меня, когда я обратил на это его внимание, но, видимо, думал о чем-то своем, потому что мне пришлось дважды изложить ему мои нехитрые соображения, прежде чем он понял их смысл.

Когда мы ехали по аллее, он взглянул на меня еще раз и удрученно пробормотал: «Щекотливое обстоятельство».

На шоссе мы выехали молча. Я был рад, что хоть минутку мог спокойно поразмыслить, потому что, на мой взгляд, было уже самое время сделать какие-то конструктивные выводы. Как ни жаль, но я не принадлежу к типу интеллектуального детектива. Мозг у меня работает вовсе не как вычислительная машина, воспринимающая факты один за другим и на ходу обрабатывающая их. Уж больно я похож на мусорщика с мешком и заостренной палкой: собираю всякий хлам, какой только попадется под ноги, а в обеденный перерыв перебираю все, что там есть в мешке.

До сих пор мне удалось установить несколько неоспоримых фактов. Я убедился, что Свин был убит — и убит, пусть даже умышленно, но не по заранее подготовленному плану. Это было ясно как божий день, поскольку вряд ли разумно было бы предполагать, что кто-то мог заставить Свина усесться именно на это место и ждать, пока на него свалится ваза.

Подумав, я решил, что, скорее всего, какой-то импульсивный парень случайно нашел сцену приготовленной, так сказать, для себя. Мерзкий, ненавистный Свин развалился как раз под карнизом, и тот, не в силах совладать со своим не слишком-то похвальным порывом, рысью помчался наверх и в диком приступе вдохновения схватился за вазу.

Когда я дошел до этого места в своих рассуждениях, мне пришло в голову, что найти убийцу можно методом исключения, но лишь после того, как будут проверены все алиби, а это, на мой взгляд, была работа для полицейского инспектора и ни для кого другого. В конце концов он молод и надеется на повышение.

Сложной проблемой, как мне казалось, будет раздобыть доводы. Поскольку отпечатки пальцев на камне вазы почти не остались, а свидетель — если бы такой существовал — уже объявился бы, наиболее трудно будет найти прямые улики.

Стоит, пожалуй, здесь отметить, что я в тот момент полностью ошибался. И в том, что станет главной трудностью, и во всем остальном. Само собой, тогда я об этом и понятия не имел. Удобно откинувшись на спинку сиденья рядом с Лео, я ехал в желтоватом вечернем свете и размышлял о Свине и его двух похоронах.

Тогда — и конечно, это было безнадежно ошибочным — я склонялся к убеждению, что убийца Свина ни с кем не связан. Способный молодой криминалист из Лондона во всей своей невинности тешился тем, что ему в руки попала прелюбопытная загадка и что еще один сукин сын лежит себе спокойно, запертый в мертвецкой. И это, — несмотря на странный телефонный звонок и отвратительного посетителя Поппи. Еще одно доказательство тому, что живительный деревенский воздух ударил» мне в голову.

Мне было жаль Лео, Поппи и тех исполненных чрезмерного рвения старичков, которые так неудачно поспешили на помощь «Рыцарской серенаде». Я сочувствовал им в том, что касалось всей этой нервотрепки и скандала, но я и думать не думал, что самой сенсационной частью происшедшей истории является как раз само убийство.

Правда, если бы я знал обо всех тех маленьких сюрпризах, которые боги хранили для нас про запас, если бы я догадался, что мерзкая старуха с косой уже просыпается в саду, где она почивала на лаврах, и переводит дух перед тем, как снова взяться за работу, я бы опомнился. Но я был абсолютно уверен, что фейерверк уже закончился и я прибыл к концу праздника, а не, как оказалось позже, к самому его началу.

Только когда мы уже ехали по узкой деревенской улочке, я задал Лео вопрос — небрежно, как только умею.

— Вы Тетеринг знаете, полковник? Там, кажется, есть какой-то санаторий, я не путаю?

— О чем ты? — вздрогнул он, отвлекшись от своих грустных размышлений. — Тетеринг? Санаторий? Ах, да, отличное заведение, отличное. Его ведет Брайен Кингстон. Хороший парень, только он маленький, совсем маленький — санаторий, а не Кингстон, конечно. Тот тебе понравится. Здоровенный парень и очень симпатичный. Придет к нам сегодня на ужин. Викарий тоже, — добавил он, будто только сейчас вспомнил. — Всего нас будет пятеро. Такой, знаешь, небольшой домашний ужин.

Меня это, естественно, заинтересовало.

— И давно Кингстон этим занимается?

Лео заморгал. По-моему, он предпочел бы, чтобы я не заводил этого разговора.

— Пару лет. Его отец когда-то там практиковал. Оставил сыну большой дом, а тот — парень он предприимчивый — сделал из него доходное дело. Врач он просто великолепный. Вылечил мне катар.

— Так вы его хорошо знаете? — спросил я. — Не хотелось перебивать его размышления, но очень уж я стремился вывести побольше.

Лео вздохнул.

— Верно. Знаю, как обычно люди знают друг друга. Верь-не-верь, но мы с ним и еще двумя приятелями играли сегодня утром в карты, как раз когда на того мерзавца свалилась чертова ваза и доставила нам столько хлопот. Летела мимо окна, где мы сидели. Ужас просто!

— Во что вы играли? В бридж?

Лео был шокирован.

— Перед обедом? Что ты, мой мальчик, в покер. В бридж бы я до обеда не играл. Разумеется, в покер. Кингстон держал банк, мы доиграли партию и начали подумывать об обеде, когда возле окна вроде бы тень мелькнула, а потом вдруг что-то грохнулось. И не просто грохнулось... Ужасно неприятная история. Не нравится мне этот тип, а тебе? Подозрительно выглядит, на такого человека собаку спустить хочется.

— О ком вы? — спросил я, чувствуя, что теряю нить разговора.

— О том типе, которого мы встретили на аллее у Поппи, — проворчал Лео. — Все он у меня из головы не выходит.

— Я его, кажется, где-то уже видел, — сказал я.

— Да? — Лео подозрительно взглянул на меня. — Где? Когда это было?

— На... на одних похоронах, — ответил я умышленно неопределенно.

Лео высморкался.

— Это на него похоже, — заключил он, даже не пытаясь приводить какие-нибудь доводы, и мы свернули на дорогу в Хайуотерс.

Нам навстречу сбежала с крыльца Дженет.

— Ой, па, вы же опаздываете, — прошептала она Лео, а потом обернулась ко мне и подала руку. — Привет, Альберт! — прозвучало, как мне показалось, несколько холодно.

Описать Дженет я не смогу. Просто она была и есть очень красива. К тому же до сих пор мне нравится.

— Привет, — сказал я коротко и, как идиот, добавил, — у меня и тогда было ощущение, что стоило бы сказать нечто другое: Напои нас, Амврозия, о сладкая де...

Она снова повернулась к Лео.

— Беги теперь и переодевайся, па. Викарий пришел уже, и у него, бедняги, просто глаза на лоб лезут. В деревне будто бы все так и кипит, а мисс Дьюзи говорит, что «у маркизы» полно журналистов. Он хотел бы знать, как ему себя вести. Что-нибудь новое есть?

— Ничего, девочка. — Лео был явно не в своей тарелке.

Он вдруг уверенно — неожиданно для самого себя — поцеловал Дженет и, видимо, сам немного смутился, потому что с извиняющимся видом закашлялся и убежал в дом. Дженет осталась на крыльце вместе со мной. Волосы у нее темные, и это ей очень идет.

— Совсем расстроился, правда? — сказала она негромко, а потом продолжала, словно вдруг вспомнила кто я, собственно, такой: — Тебе тоже надо быстро пойти переодеться, у тебя на это всего-навсего десять минут. Машину оставь здесь, скажу, чтобы кто-нибудь поставил ее в гараж.

Я знаю Дженет с небольшими перерывами уже примерно двадцать три года. Когда я увидел ее впервые, она была красной как рак, с лысой головой и вообще выглядела ужасно. При виде ее мне чуть не стало дурно, и меня отослали гулять, пока я не научусь себя вести как следует. Поэтому ее сдержанность задела и удивила меня.

— Успею, — ответил я, пытаюсь угодить ей любой ценой. — Умываться мне не надо.

Она окинула меня критическим взглядом. Глаза у нее красивые — вроде как у Лео, только побольше.

— А я бы умылась, — спокойно заметила она. — На тебе любую пылинку видно, как на белом медведе.

Я взял ее за руку.

— Такой страшный?

Она засмеялась, но как-то не очень естественно.

— Ну что ты, Альберт. Кстати, тебя примерно в половине седьмого кто-то спрашивал, но подождать не смог. Я сказала, что ты будешь к ужину.

— Лагг? — предположил я неуверенно, начиная, кажется, понимать, в чем дело. — Что он там натворил?

— Никакой не Лагг. — Она была воплощенное презрение. — Лагга я люблю. Твоя старая подруга.

Ситуация становилась недоступной пониманию.

— Это ложь, — возмутился я, — для меня все другие женщины просто не существуют. Она сказала, как ее зовут?

— Сказала. — В голосе Дженет, как мне показалось, прозвучали нотки злобы и ненависти. — Мисс Эффи Роулэндсон.

— Никогда о ней ничего не слышал, — ответил я честно. — Симпатичная?

— Нет! — взорвалась Дженет и умчалась в дом.

Я отправился вслед за ней. Старик Пеппер, хлопотавший в холле, был явно доволен моим приездом. Это меня обрадовало. Учтиво поздоровавшись со мной, он сказал:

— У меня для вас письмо, сэр. — Произнесено это было таким тоном, словно он хотел сказать: «Имею честь вручить вам орден». — Пришло сегодня утром, и я уж собирался вложить его в другой конверт и переслать вам, когда сэр Лео упомянул, что мы ожидаем вас здесь сегодня вечером.

Он заглянул в свою комнатку рядом с холлом и вернулся с конвертом в руках.

— Ваша комната та же, что и обычно, сэр. Я сейчас pošлю Джорджа отнести туда ваши чемоданы. До гонга уже остается всего семь минут.

Взглянув на конверт, я, наверное, охнул или что-нибудь в этом роде, потому что Пеппер, направившийся было к выходу, остановился и заботливо посмотрел на меня.

— Слушаю, сэр.

— Ничего, Пеппер, все в порядке, — ответил я, подтверждая его наихудшие опасения.

Я разорвал конверт и по дороге в свою комнату прочел новое анонимное письмо. Оно было напечатано на машинке так же аккуратно и со столь же безукоризненно расставленными знаками препинания, как и первое, — просто одно удовольствие читать.

«Ах», — ухает сова.

«Ах-ах», — вздыхает жаба.

«Ах-ах-ах», — плачется червь.

Где же Питерс, который был нам обещан? Ангел плачет за золотыми решетками и закрывает крыльями лицо.

«Пьеро, Пьеро» — плачет ангел.

Почему все это происходит? Кто осмеливается нарушать мир на небесах? Помни, ах помни, что у бедной осы болят крылышки и что у нее оторвано жало.

Глава 5

ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ

— Сбивает меня с толку весь этот зоосад, — переодеваясь, пожаловался я Лаггу. — Как по-твоему: есть во всем этом хоть какой-то смысл?

Он бросил письмо и, с неожиданным смущением улыбнувшись мне, сказал: «Бедняжка оса».

Я уставился на него и, слава Богу, у него нашлась капелька стыда, чтобы на мгновение опустить глаза. Впрочем, через минуту он перешел в наступление.

— Насчет этой прогулки, — начал он угрюмо. — Я все ждал, когда вы приедете, чтоб поговорить об этом. Как вы думаете, что я, по-вашему? Сороконожка или еще что? И так себе спокойненько советуете ехать автобусом!

— Стареешь, — сказал я, переходя в контрнаступление, — интересно, только физически или духовно тоже? Через четыре минуты я должен быть за столом. Тебе это письмо о чем-нибудь говорит или нет? Мне его прислали сюда. Пришло сегодня утром.

Мои шпильки задели его так, что, когда он снова перечитывал письмо, беззвучно шевеля губами, на его большом белом лице было укоризненное выражение.

— Сова, жаба, червь и ангел, все прямо вне себя, что не могут найти этого самого Питерса, — пробурчал он наконец. — Это вроде бы ясно, правильно?

— Ясно, просто глазам больно, — согласился я. — Дальше из письма вытекает, что, по мнению его автора, Питерс жив, а это любопытно, потому что он-таки мертв. Тот человек, которого я видел в покойницкой, это и есть, точнее, был Питерс. Умер сегодня утром.

Лагг вытаращил глаза.

— Это чего — опять шуточка какая-то? — спросил он холодно.

Я посмотрел на него с отвращением, продолжая сражаться с жестким воротничком. Через мгновение Лагг заговорил снова, обращаясь к самому себе и, видимо, стараясь вновь заставить работать свои мозги.

— Сегодня утром? Факт? Сыграл в ящик? Вот тебе и на! Каким же это образом?

— Ему на голову свалилась ваза для цветов и свалилась не случайно.

— Кто-то его прикончил? Факт? — Лагг вернулся к письму. — Ну так, это подходит. Ясно, как удар по морде, верно? Тот парень, что написал это письмо, знает, что вас хлебом не корми, а дай понюхать свежей крови, и что вы помогаете легавым в их трудах праведных, так вот он и решил дать вам намек, чтобы вы поскорее примчались сюда.

— Может и так, но ты — дерзкий, глупый и вульгарный тип, — сказал я с достоинством.

— Вульгарный? — повторил он, словно до него это только что дошло. — Вульгарный — это уж нет, шеф. Я говорю то, что думаю, это правильно, но вульгарный — так не надо.

Минуту он стоял, задумавшись.

— Легавые, — пробормотал он торжествуя. — Вы-таки правы. Легавые — это вульгарное слово. Полицейские.

— Толку от тебя, как от козла молока, — заметил я вежливо. — До тебя вроде бы не доходит, что Питерс умер сегодня утром, а письмо было отправлено с главного почтамта в Лондоне вчера вечером еще до семи часов.

Переварив этот факт, он, к моему удивлению, вскочил с места.

— Ага, понял-таки! Тот парень, который вчера написал вам, знал, что Питерс умрет сегодня.

Я растерялся. В этот момент у меня впервые пробежали по спине самые настоящие мурашки. Лагг, между прочим, продолжал:

— А мы теперь по самое горло сидим в этой истории. Сколько я ни стараюсь, только где-нибудь заварится каша похуже — бултых! — и вы уже там. Черт возьми! Вам даже накликать беду не приходится, она за вами сама бегаёт.

Я посмотрел на него.

— Лагг, — сказал я, — это пророческие слова. Вот есть ли только в орехе ядрышко?

Гонг опередил Лагга, и его ответ догнал меня, когда я уже спешил к дверям.

— Скорее всего червивое, — ответил он.

В столовую я вбежал как раз вовремя, и Пеппер ласково поглядел на меня, чего, к сожалению, нельзя было сказать о Дженет.

Лео разговаривал с сухощавым мужчиной в смокинге строгого, приличествующего священнику покроя. Когда я сел за стол, оказалось, что мой сосед — тот самый симпатичный мужчина, с которым я обменялся парой слов на тетерингских похоронах Свина.

Он меня узнал и не скрывал, что ему приятно меня видеть, что, в свою очередь, обрадовало и меня. Потом он улыбнулся своими глубоко посаженными, немного ленивыми серыми глазами.

— Ни одной смерти не пропустите, а? — проговорил он.

Мы представились друг другу, и должен сказать, что его манеры мне понравились. Немного старше меня, крупный, приятно застенчивый мужчина. Минуту мы разговаривали вдвоем, потом к нам присоединилась Дженет, и только через некоторое время я сообразил, что в комнате есть кто-то, ненавидящий меня.

Это было то странное, но безошибочное чувство, которое человек испытывает иногда в автобусе или на вечеринке. Посмотрев через стол, я встретился с враждебным взглядом молодого священника. Это был типичный костлявый аскет с выступающими розовыми скулами и черными, навывкате глазами фанатика, начисто лишенного чувства юмора.

Я был так удивлен, что нелепо ухмыльнулся ему, Лео представил нас друг другу.

Оказалось, что это мистер Филипп Смедли Батвик, только что назначенный викарием в Кипсейк. Я не мог понять его нескрываемой ненависти, и мне было даже немного не по себе, пока я не перехватил взглядов, бросаемых им на Дженет. Тут я начал его понимать. Он пялил на нее глаза, да так, что они чуть ли не выкатывались из орбит, и мне было бы, пожалуй, жаль его, если бы не некоторые личные соображения, о которых нет необходимости здесь упоминать.

В данный момент ему и вовсе не везло, потому что Лео не давал ему отдыха ни на минуту. Едва подали рыбу, старик рявкнул, как всегда, когда считает, что надо говорить особо осторожно:

— Так где, вы говорите, живет тот человек, о котором у нас шла речь перед ужином?

— У миссис Тетчер, полковник. Знаете ее. У нее домик неподалеку от «Лебедея».

Звучный голос Батвика немного дрожал, что я приписал его сдерживаемому, но от этого не менее страстному желанию услышать, что говорится на нашем конце стола.

Лео не дал ему передышки.

— Старую миссис Тетчер? Конечно, я ее знаю. Ее девичья фамилия была Джепсон. Очень приличная женщина. Совершенно не понимаю, зачем она берет в дом всяких бродяг.

— Она сдает комнаты, полковник. — Взгляд Батвика скользнул к Дженет и тут же дернулся в сторону, словно уколовшись. — Этот мистер Хейхоу здесь всего какую-нибудь неделю.

— Хейхоу? — сказал Лео. — Ну и имечко! Ненастоящее, надо полагать.

Он всегда, когда был немного раздражен, начинал кричать на людей, и несчастный Батвик сейчас только боязливо посматривал на него.

— Хейхоу — не такая уж редкая фамилия, полковник, — отважился он возразить.

— Хей-хо — «поднимай парус»? — прогремел Лео, глядя на Батвика так, словно перед ним было пустое место. — Не верю я в это. Когда вы будете в моем возрасте, Батвик, у вас пройдет склонность к шуточкам. Мы живем в серьезные времена, друг мой, очень серьезные.

От незаслуженной обиды Батвик залился краской до ушей, но сдержался и только насупился. Смешной эпизод, но подозреваю, что благодаря ему Лео по сей день считает Батвика ослом, склонным к идиотским шуткам, что, несомненно, достойно сожаления, потому что более серьезного человека не найдешь, пожалуй, во всем мире.

Тогда меня, однако, больше занимали сведения, чем их источник, так что я снова обернулся к Кингстону.

— Помните того странного старикана в цилиндре, который хныкал в платок с траурной каймой на тех похоронах у вас, зимою? — спросил я. — Это и есть Хейхоу.

Он недоуменно заморгал.

— На похоронах Питерса? Нет, что-то не помню. Не совсем обычная девушка там была — это верно, а...

Он умолк, и в его глазах появилось взволнованное выражение.

— Послушайте, — начал он.

Сейчас все смотрели на него, так что он вовсе растерялся и перевел разговор на другую тему. Лишь немного позже он наклонился ко мне.

— Знаете, я-таки вспомнил его, — сказал он с мальчишеским пылом. — Есть тут кое-что, что могло бы пригодиться. Если не возражаете, поговорим об этом после ужина. Вы этого Питерса знали не очень хорошо, правда?

— Чтобы очень, так нет, — ответил я осторожно.

— Нехороший это был человек, — заметил он и совсем тихо добавил: — Мне кажется, я кое-что соображаю. Только пока я еще не могу вам ничего сказать.

Наши взгляды встретились, и я снова почувствовал к нему симпатию. Мне нравится охотничья страсть; без нее охота была бы просто хладнокровным убийством.

Удобного случая поговорить сразу после ужина у нас, однако, не представилось, потому что уже за портвейном пришел ведущий следствие инспектор и Лео, извинившись, вышел.

Мы с Кингстоном остались наедине с Батвиком, и работы у нас оказалось полны руки. Как выяснилось, им владела страсть к модернизации. Он резко выступал против негигиеничности деревянных домишек и утверждал, что средний деревенский житель понятия не имеет о культуре и что это положение следует исправить. При этом было ясно, что он понятия не имеет ни о деревянных домишках, ни о среднем деревенском жителе, который, как знает каждый, живший в деревне, вообще не существует.

Мы как раз пытались убедить его, что суть деревенской жизни именно в том и заключается, что в таком максимально распыленном обществе каждый может жить по-своему, не мешая соседям, когда вошел Пеппер и попросил меня зайти в кабинет Лео.

Я направился в красивую старинную комнату на втором этаже, где Лео с одинаковым энтузиазмом пишет и чистит свои ружья, и нашел его сидящим за письменным столом. Напротив него, с удовольствием потягивая виски, сидел очень симпатичный парень. Лео представил его.

— Инспектор Пасси, Кемпион. Способный офицер. С самого утра за работой.

Пасси понравился мне с первого взгляда, да он и любому бы понравился. У него была долговзая, неуклюжая фигура и чуть комичное лицо, из тех, которые сразу же обезоруживают и вызывают симпатию. К Лео Пасси явно относился со смесью иронии, любви и уважения — отношение, на котором основывается сотрудничество между начальником и подчиненным во всей сельской Англии.

Когда я вошел, вид у обоих был довольно взволнованный. Сначала я решил было, что все дело в том, что убийство близко касается их, произойдя, так сказать, на их заднем дворе. Но, как выяснилось, все обстояло гораздо хуже.

— Странная штука, Кемпион, — сказал Лео, когда Пеппер затворил за собой дверь. — Не знаю, право, что и думать. Тут Пасси утверждает всякие странные вещи, а ведь он — мой лучший сотрудник. Я на него всегда и во всем полагаюсь.

Я посмотрел на инспектора. Выглядел он гордым, словно сеттер, неожиданно притащивший в зубах утконоса. Я промолчал, и Лео дал Пасси знак продолжать. Тот улыбнулся мне с извиняющимся видом.

— Чего-то я тут не могу понять, мистер Кемпион, — сказал он своим глубоким, мягким голосом. — Так, вроде где-то мы сделали ошибку, а вот где — понятия не имею. У нас целый день было полно работы, допрашивали всех, кого только могли, а теперь все ответы у нас, так сказать, собраны вместе...

— И ни у кого, кроме сэра Лео, нет порядочного алиби, — произнес я с сочувствием. — Это я знаю...

— Не то, сэр, — Пасси не возмущился, что я перебил его, скорее даже обрадовался. У него врожденный вкус к драматическим поворотам событий. — Совсем не то, сэр. У каждого есть алиби, и отличное алиби. Слуги обедали, когда случилось это... гм... несчастье; там были все, даже тот мальчишка — помощник садовника. Все остальные находились в салоне либо в прилегающем к нему баре, и показания каждого подтверждаются словами еще, по крайней мере, двух или трех других. Никого чужого в доме не было, вы понимаете, что я хочу сказать, сэр? Все джентльмены, посетившие сегодня утром мисс Беллью, явились, так сказать, с одной целью. Ни один из них не мог отлучиться и сделать это, если только...

Он замолчал и покраснел, как пион.

— Если только что? — с тревогой переспросил Лео. — Да говорите же, не церемоньтесь — здесь все свои. Если что?

Пасси проглотил слюну.

— Если только, прошу прощения, все остальные не знали об этом, — сказал он и опустил голову.

Глава 6

ПОКОЙНЫЙ СВИН

На мгновение, что вполне естественно, наступила пауза. Пасси онемел от ужаса перед собственной дерзостью, я сохранял обычную сдержанность, Лео же старательно пытался что-либо понять.

— Так что же? — проговорил он наконец. — Заговор?

Пасси, покрывшись потом, пробормотал с несчастным видом:

— Слишком правдоподобным это, конечно, не выглядит, сэр.

— Не знаю... — Лео задумался. — Не знаю, Пасси. Вообще, это — мысль. Определенно мысль. Но, знаете, в этом случае она, пожалуй, не проходит. Видите ли, тут должны быть замешаны все без исключения, но ведь я тоже там был.

Это был великолепный момент. Божественная простота и ангельская невинность Лео были аргументом, решавшим вопрос. Мы с Пасси облегченно вздохнули. Старик одним махом смел и туть фактов, которая у нас была, оставалось надеяться только на чудо. Он, однако, стоил того.

Лео продолжал размышлять.

— Нет, — заключил он. — Это невозможно, совершенно невозможно. Придется попробовать еще раз, Пасси. Пройдемся вместе по всем этим алиби; может, найдется какая-то щелочка. Заранее никогда нельзя ничего сказать.

Они взялись за работу, а я, не желая лезть не в свой огород, вернулся к Кингстону. Я нашел его в салоне вместе с Дженет и Батвиком. При моем появлении Батвик весь ошетинился и сник. Мне это не понравилось.

Не то чтобы я был излишне чувствителен, вроде нет, но его неожиданная ненависть смущала меня. Я предложил ему сигарету в знак примирения, но он отверг ее.

Кингстону хотелось поговорить со мной, мне с ним тоже, поэтому я предложил ему выйти на террасу и выкурить там по сигарете. В любом другом салоне, за исключением разве что прабабушки Каролины, подобное предложение прозвучало бы натянуто или, во всяком случае, старомодно и снобистски, но в Хайуотерс оно сошло. Покойная леди Персьюивант была как раз из женщин, питающих слабость к позолоченной мебели и фарфоровым фигуркам.

Я видел, что Батвик смотрел на Кингстона с прямо-таки собачьей благодарностью, и чувство незаслуженной обиды еще возросло, когда я заметил, что Дженет хмуро поглядывает на меня с другой стороны камина.

Мы вышли на мраморную террасу, ничуть, по-моему, не уступающую по красоте голливудским. Кингстон взял меня под руку.

— Слушайте, — забормотал он, — этот тип Питерс...

Я вернулся на много лет назад на лужайку за школой, где Гаффи взял меня под руку и тем же взволнованным и обиженным голосом произнес те же слова.

— Этот тип Питерс...

— Да? — подбодрил я его. Кингстон замялся.

— Можете рассматривать это как исповедь, — начал он неожиданно, а я, видимо, посмотрел на него с таким изумлением, что он покраснел и смутился. — Нет, я его не ограбил, но зато написал ему завещание. Вот об этом я и хочу с вами поговорить. Он хотел у меня набраться сил после операции аппендицита. Переписываясь, мы обо всем договорились, но по дороге сюда он простудился, подхватил воспаление легких и, в конце концов, умер. Мой санаторий он выбрал потому, что он сравнительно дешев. Питерс сказал, что кто-то из знакомых, бывавших в этих местах, порекомендовал ему его. Когда ему было уже очень плохо, в момент просветления он послал за мной и высказал желание оформить завещание. Ну, я составил его, а он подписал.

Кингстон замолчал и беспокойно заерзал.

— Я вам рассказываю об этом потому, что мне известно, кто вы, — продолжал он. — Я слышал о вас от Дженет и знаю, что сэр Лео вызвал вас из-за этой истории с Гаррисом. Так вот, Кемпион, я это завещание немного изменил.

— Прошу прощения! — сказал я невпопад.

Он кивнул.

— Разумеется, не в смысле содержания, а в формулировках. Пришлось. Как он мне диктовал, оно звучало так: «Самому видному из гуляющих на свободе мошенников и мерзавцев — моему брату, получившему при рождении имя Генри Ричард Питерс, — хотя не исключено, что сейчас он

именует себя как-нибудь еще, — завещаю все, что мне принадлежит. Делаю это не из любви к нему и не потому, что когда-нибудь сочувствовал бездельникам вроде него, а просто потому, что это сын моей матери и ни о каком другом мне неизвестно».

Кингстон на мгновение умолк, с торжественным видом глядя на меня в лунном свете.

— Мне это показалось неправильно. Такая штука может привести к огромным неприятностям, так что я сформулировал немного иначе. Просто написал, что мистер Питерс желает, чтобы все, принадлежащее ему, досталось его брату — и точка. Он подписал и умер.

Минуту он молча курил, а я ждал продолжения.

— Гаррис с первого взгляда показался мне на кого-то похожим. А за ужином, когда вы напомнили мне о тех похоронах, я понял, почему это так. У Питерса и Гарриса было много общего. Оба они, так сказать, были слеплены из одного теста, оба рыжеваты. Питерс, правда, повыше и немного жирнее, но, чем дольше я о них думаю, тем больше нахожу между ними сходства. Понимаете, Кемпион, к чему я клоню? Гаррис вполне мог быть этим самым наследником!

Он смущенно улыбнулся.

— Теперь, когда я все выложил, оно уже вроде звучит не так сенсационно.

Я не ответил. Я знал вполне определенно, что Питерс, который лежит в покойнице, — это мой Питерс, а если у него и был какой-то брат, так это мог быть пациент Кингстона. Это подтверждало возникшее у меня еще раньше подозрение, что Свин, как обычно, готовил какое-то мошенничество, но его опередила расплата в виде цветочной вазы.

— Я отослал завещание его адвокату, — продолжал Кингстон. — Получил от него распоряжение насчет похорон и чек на расходы. У меня дома есть его адрес, я вам его дам. Завтра вас устраивает?

Я успокоил его, что вполне устраивает, и он заговорил снова.

— Я был в «Серенаде» сегодня утром, когда все это случилось, — сказал он не без гордости. — Мы играли в покер. Как раз держал банк, когда грохнуло и все выбежали наружу. Разумеется, уже ничего нельзя было сделать. Вы видели труп?

— Видел, — ответил я. — Хотя как следует осмотреть еще не успел. Гарриса вы впервые сегодня увидели?

— Да нет, что вы! Он жил там уже с неделю, а я туда каждый день хожу, потому что у одной из служанок — Флосси Кедж — желтуха. Много я с Гаррисом, правда, не разговаривал, потому что... да вы сами слышали: это был невыносимый человек. Это лучше всего видно в истории с Батвиком.

— С Батвиком?

— О, вы еще не слышали? — Кингстон разошелся. Как большинство деревенских врачей, он не прочь был посплетничать. — В ней есть и своя юмористическая сторона. Батвик, как вы могли заметить, принимает все всерьез.

Я кивнул. Кингстон засмеялся и продолжал:

— Гаррис распространялся о танцплощадках и пляже, который он собирался устроить на том участке, который выходит к реке — на дальнем конце крикетного поля. Батвик все это слышал и ужасался. Это никак уж не вязалось с его собственным планом развития деревни — там речь шла все больше об общественной прачечной, сверхгигиеничных яслях и тому подобном. Так вот, он в панике примчался к Гаррису и, насколько я знаю, дело дошло до грандиозной сцены. У Гарриса чувство юмора было несколько особого сорта: ему доставляло удовольствие разыгрывать Батвика, у которого оно начисто отсутствовало. Все происходило в салоне «Серенады», где сидели Билл Дюкен и еще несколько человек: так что публика у Гарриса была, и он развлекал ее вовсю. Билл говорил мне, что Батвик в конце концов выскочил из дома совершенно вне себя. Гаррис пообещал ему танцующих фурий, игрища и Бог весть что еще, отчего перед мысленным взором бедняги викария такие выдуманные им неиспорченные поселяне прямым ходом отправляются через приходскую больницу к воротам адовым. Билл пытался его успокоить, но Батвик был в ужасе и шокирован до мозга костей. Можете по этому судить, что за штучка был этот Гаррис. Он ведь наслаждался, наблюдая мучения бедняги Батвика, а тот был бы совсем неплохим парнем, если бы не держался так, словно в детстве проглотил линейку. Ну, да это не столь уж важно! Сейчас речь идет о том, кто убил Гарриса. Я завтра утром принесу вам адрес того адвоката и все бумаги, какие мне удастся найти, хорошо?

— Буду очень рад, — ответил я, стараясь не подавать вида, что чересчур уж заинтересован. — Спасибо, что рассказали мне обо всем.

— Ну, что вы! Рад был вам помочь. Здесь так редко что-нибудь происходит, — он застенчиво улыбнулся. — Звучит наивно, правда? — пробормотал он. — Но вы понятия не имеете, Кемпион, как скучно в деревне интеллигентному человеку.

Мы вернулись в салон. Дженет и Батвик слушали радио, но, когда мы вошли, Дженет встала и выключила приемник. Батвик, взглянув на меня, громко вздохнул.

Через несколько минут к нам наведалься Лео, но, видимо, он был очень занят, потому что вскоре извинился и ушел. Вполне естественно, что общество начало понемногу расходиться. Кингстон пошел домой, захватив с собой упирающегося сердитого священника; мы с Дженет вышли на террасу. Было тепло, светила луна, а запах цветов и соловьиные трели в кустах жасмина придавали вечеру романтический колорит.

— Альберт... — проговорила Дженет. — Да?

— Странные у тебя бывают знакомства, правда?

— Знаешь, в школе человеку выбирать не приходится, — сказал я извиняющимся тоном. Голова у меня все еще была забита Питерсом. — Это как с яйцами: лежит их целая куча, а какое из них окажется тухлым, заранее не угадаешь.

Она глубоко вздохнула, и глаза ее блеснули в слабом свете.

— Я и не знала, что ты ходил в школу с совместным обучением, — саркастически заметила она. — Тогда понятно, откуда у тебя такие вкусы.

— Можно и так объяснить, — согласился я кротко. — Помню нашу мисс Маршалл. Классная руководительница из нее была первый сорт, ничего не скажешь. На стадионе, что твой чемпион, но как возьмет розгу в руки...

— Перестань, — неожиданно фыркнула Дженет. — Как тебе понравился Батвик?

— Очень приятный человек, — послушно подхватил я. — Где он живет?

— У него дом рядом с «Рыцарской серенадой». А что?

— Сад у него хороший?

— Вполне. А что?

— Граничит с парком «Серенады»?

— Доходит до каштановой рощицы в парке Поппи. Да в чем дело?

— Стараюсь узнать обстановку, в которой живут люди. Ухаживает за тобой, не так ли?

Она не ответила, и я решил, что она сочла мой вопрос проявлением дурного тона. К своему удивлению, я заметил, что она дрожит.

— Альберт, — прошептала она совсем тихо, — ты знаешь, кто виноват в этом жутком убийстве?

— Нет, пока еще нет.

— Думаешь, что сможешь узнать?

— Да, — сказал я. — Смогу.

Она взяла меня за руку и произнесла:

— Лео очень привязан к Поппи.

Я не отпустил ее руку.

— О том, кто убил Гарриса, Лео известно не больше, чем еще не родившемуся младенцу.

Она снова задрожала.

— Тем хуже, правда? Для него будет страшным ударом, когда... когда ему придется все-таки узнать.

— Поппи? — предположил я.

Дженет крепко сжимала мою руку.

— Понимаешь, они все готовы спасти ее, — сказала она взволнованным голосом. — В конце концов она теряет больше, чем кто бы то ни был. Возвращайся в Лондон, Альберт! Оставь это! Я не хочу, чтобы ты этим занимался!

— Брось, — сказал я. — И думать об этом не думай.

Мы немного молча прошлись. На Дженет было синее платье, и я заметил, что оно мне нравится. Сказал и о том, что нравится ее прическа.

Она тоже ответила комплиментом. Сказала, что знает, какой я правдивый и жалеет, что сегодня усомнилась было в каких-то моих словах.

Я охотно извинил ее. Мы как раз подошли ко входу в салон и решили уже, что погуляем еще, когда произошло нечто, чего я не предвидел и чего никак не должно было случиться. К нам вышел Пеппер и, чуть пыхтя, сказал, что просит прощения, но мисс Эффи Роулэндсон хотела бы видеть мистера Кемпиона и ждет его в малом салоне.

Глава 7

СТАРАЯ ЗНАКОМАЯ

Шагая вслед за Пеппером, я рискнул спросить:

— Как она выглядит, Пеппер?

Он обернулся и бросил на меня красноречивый взгляд, что означало: Пеппер, человек старый и опытный, пыль в глаза пустить себе не даст.

— Эта дама сообщила, что она — ваша старая знакомая, сэр, и только потому позволила себе навестить вас в столь позднее время. — Говорил он удрученно, показывая всем своим видом, что для него это обстоятельство так же неприятно, как и для меня.

— Хэлло! — услышал я, входя в комнату.

Пеппер удалился, и мисс Эффи Роулендсон встала мне навстречу.

— Хэлло, — повторила она, поглядывая на меня из-под трепещущих ресниц. — Надеюсь, вы на меня не сердитесь?

Боюсь, что я смотрел на нее ничего не понимающим взглядом. Это была кокетливая блондинка с глазами, как звезды, и зубами, которые сверкали, как на рекламе зубной пасты. Она была вся в черном, кроме длинного белого пера на шляпке, и в результате производила впечатление чего-то среднего между Гамлетом и Алладином из рождественской пантомимы.

— Ой, так вы меня не помните? — прощебетала она. — А я-то заявила как ни в чем не бывало! Я думала, что вы наверняка, ну, просто наверняка меня помните. Ну и глупая же я!

Из этого вытекало, что я немножко грубиян, но она на меня не сердится, потому что такова жизнь.

— Возможно, вы меня с кем-то перепутали? — спросил я растерянно.

— Ой, что вы! — Она опять кокетливо мне подмигнула. — Я вас отлично помню — по тем похоронам. — На последних словах она, как приличествует, понизила голос.

Внезапно меня осенило. Девушка, которую я видел на похоронах Питерса! Почему я забыл ее, а запомнил того старикана, не знаю. Помню лишь, что тогда еще подумал: на таких, как она, мужчине долго заглядываться не стоит.

— Ах да, — произнес я медленно. — Теперь я припоминаю.

Она захлопала в ладоши и радостно запищала:

— Я же знала, что вы вспомните! Не спрашивайте, почему — такая уж я есть. Просто знаю.

Разговор внезапно оборвался на мертвой точке. Я почувствовал себя не в своей тарелке, а она не сводила с меня светло-серых глаз.

— Я знала, что вы мне поможете, — сказала она наконец.

Чем дальше, тем больше у меня крепла уверенность в том, что я не тот, кого она ищет и я уже раздумывал, как бы объяснить ей это, когда вдруг она ошарашила меня.

— Он меня бросил, как половую тряпку. В жизни я так не обманывалась в мужчинах! В конце концов, каждая женщина нет-нет да и сделает глупость, правда ведь, мистер Кемпион? Я уже вижу: не надо было говорить, будто я — ваша старая знакомая, когда мы всего раз встречались, да и то только взглянули друг на друга. Теперь-то я это вижу. И больше так не поступлю.

— Мисс Роулендсон, — спросил я, — почему вы пришли ко мне? Я... гм... имею право знать это, — добавил я смело, с надеждой добраться-таки до сути дела.

Она искоса взглянула на меня.

— Ох, вы злой, оказывается. Все мужчины злые, верно? Но не такой, как он, — где там! Вот он и впрямь был злой! Но конечно, — добавила она с исключительно неуверительной щепетильностью, — мне не следовало бы так говорить о нем, о мертвом, если он и действительно мертв. Как, по-вашему, — мертв?

— Кто?

Она захихикала.

— Остороженький какой! Все детективы такие осторожные? Я люблю осторожных мужчин. Ну, Бакли Питерс, конечно. Я его звала Бакли. Ему это ужасно не нравилось, вы бы не поверили, до чего он злился. Бедняжка Бакли! Не надо бы мне смеяться, раз он умер. Если и вправду умер... Вы уверены, что он умер?

— Мисс Роулендсон, — ответил я, — мы же были на его похоронах.

Может быть, слова мои прозвучали слишком резко, но поведение ее внезапно изменилось. Она посерьезнела и села в преувеличенно чопорной позе, заботливо натянув короткое черное платье на свои худые коленки.

— Я пришла посоветоваться с вами, мистер Кемпион, — сказала она. — Раскрою вам все мои карты. Я хочу знать, не беспокоят ли вас те похороны?

— Я с ними не имел ничего общего, — возразил я, не совсем еще понимая, в чем дело.

— Ой ли? А зачем же вы там были? Да что там говорить! Я со всеми играю в открытую, мистер Кемпион, и хочу, чтобы люди мне отвечали тем же. Странные это были похороны, вам же самому это известно.

— Послушайте, — сказал я, — я готов буду вам помочь, если вы ответите, почему вы пришли именно ко мне.

Она пристально посмотрела на меня.

— Вы в хорошую школу ходили, верно? Я всегда думала, как это здорово для мужчины — ходить в хорошую школу. Сразу потом видно джентльмена. Вот что я скажу. Так вот, я хочу вам верить, чего со мной не часто случается. А если уж вы меня обведете вокруг пальца — значит, я дура набитая, и тут ничего не поделаешь. Я была помолвлена с Бакли Питерсом, мистер Кемпион, мы должны были пожениться, а тут вдруг он раз и умирает в каком-то санатории у черта на куличках и денежки все оставляет брату. Может, вам это и не кажется подозрительным, но мне — да.

Я заколебался.

— Вам кажется странным, что он все завещал своему брату? — начал я, но Эффи Роулендсон меня перебила.

— По-моему, странно, что он вообще умер, если хотите знать, — сказала она. — Вообще-то я ему грозила адвокатом, факт. У меня письма есть от него и все прочее.

Я ничего не ответил, и она покраснела.

— Думайте обо мне, что хотите, мистер Кемпион, — проговорила Эффи, — но у меня тоже есть сердце и мне немало пришлось попотеть, пока я не довела дело до помолвки. По-моему, он обошелся со мной по-свински. Но я его все равно найду, если он где-то спрятался, хоть всю землю перерую.

Она сидела, уставившись на меня, похожая на взъерошенного воробья.

— Як вам пришла, потому что слышала, будто вы детектив, и вообще мне нравится.

— Все это великолепно, но каким образом вы нашли меня? — спросил я. — Почему приехали именно в Кипсейк?

Эффи Роулендсон глубоко вздохнула.

— Я, вам скажу всю правду, мистер Кемпион.

У нее снова затрепетали ресницы, и я понял, что игра в откровенность окончена.

— У меня в этой деревне есть друг, который увидел у меня фото Бакли Питерса. Пожилой мужчина, мы уже много лет знакомы...

...Она замолчала и внимательно посмотрела на меня, словно пытаюсь разгадать, на ее ли я стороне. Очевидно, результат был успокаивающим, потому что дальше девушка выпалила одним духом:

— Пару дней назад этот старый друг прислал мне письмо. «Тут в деревне появился один человек, очень похожий на твоего приятеля», — вот что он писал. — «На твоём месте я бы приехал взглянуть на него. Может, не пожалеешь!» Я приехала, как только смогла вырваться, и вдруг узнала, что человек, ради которого я здесь, сегодня утром был убит. Тут я узнала, что вы тоже здесь, и пришла к вам.

До меня начало доходить, что ей нужно.

— Хотите выяснить, он ли это?

Она энергично кивнула.

— А почему вы пришли ко мне? Почему, не в полицию?

Ее ответ меня обезоружил:

— Ну, у меня было ощущение, что мы с вами все-таки знакомы.

Я задумался. Какой ни есть, свидетель на этой стадии был для нас исключительно ценен.

— Когда вы могли бы пойти в полицейский участок?

— Да лучше всего сейчас.

Для деревни время было уже позднее. Я намекнул ей на это, но она не собиралась отступать.

— Я решилась, да и все равно не смогу уснуть, пока это будет висеть надо мной. Отвезите меня туда. Почему бы нет? Надоела я вам, верно? Ну, такая я уж есть: если вобью себе что-то в голову, то не успокоюсь, пока не будет по-моему. Я до утра совсем рехнусь, честное слово!

Что с ней было делать? Я по опыту знаю, что свидетеля надо хватать сразу, как только он появится на сцене.

Я позвонил и попросил горничную передать Лаггу, чтобы он подогнал машину к парадному. Потом оставил мисс Роулэндсон в малом салоне и пошел искать Дженет.

Разговор с ней получился не очень приятным. Дженет — чудесная девушка, но иногда совершенно не в состоянии понять другого. Когда она отправилась спать — с большим достоинством и всего через пару минут после того, как я ее нашел — я вернулся в салон.

Лагг был слегка удивлен, когда я появился вместе с мисс Роулэндсон. Усадив ее на заднем сидении, я сел впереди возле Лагга. Он нажал на стартер, а когда мы уже мчались на четвертой скорости, наклонился ко мне и пробормотал:

— Видали когда-нибудь, шеф, как кошка вылезает из собачьей будки? — и добавил, встретив мой удивленный взгляд: — Стоило бы. Вот и все.

Дальше мы ехали молча. Я начинал опасаться, что знакомство с Эффи Роулэндсон окажется обременительным.

Ночь была необыкновенная. Полная луна медленно плыла по бескрайнему небосводу; время от времени ее закрывали легкие тучки, но большей частью она выглядела уныло и одиноко, как латунный шар на спинке двуспальной кровати.

Деревня, которой и днем не приходится стыдиться своего романтического вида, в этом призрачном свете выглядела прямо-таки таинственно. В глубокой тени высоких деревьев скрывались маленькие домики, а угловатая колокольня церкви угрожающим перстом выделялась на фоне неба. Да, это была загадочная деревня, а мы ехали по ней, чтобы выполнить долг, казавшийся, по крайней мере мне, жутковатым.

Когда мы остановились перед домиком полицейского участка, свет горел в единственном окне второго этажа. Я обернулся назад:

— Может, все-таки отложите на утро?

Эффи ответила сквозь крепко сжатые зубы.

— Нет, спасибо, мистер Кемпион. Я решила, что, лучше уж сразу отделаться. Я должна знать.

Оставив ее с Лаггом в машине, я надеялся вызвать кого-нибудь. Почти сразу же появился сам Пасси, который, несмотря на то, что как раз собирался лечь в постель, охотно согласился помочь нам. Разговаривали шепотом из невольного почтения к тьме.

— Ничего страшного, мистер Кемпион, — сказал Пасси в ответ на мои извинения. — Немного помощи в нашем деле не помешает, этого отрицать не приходится, а если эта дама что-то расскажет о покойнике, так это будет больше, чем смогли сделать его соседи по лондонской квартире. Если не возражаете, мы обойдем дом вокруг.

Мы мрачной процессией зашагали по посыпанной гравием дорожке. Пасси отпер калитку и провел нас через небольшой квадратный дворик к крытой шифером пристройке. Выглядела она — к сожалению, только выглядела — как домик деревенской одноклассной школы.

Я взял Эффи Роулэндсон под руку. Она вся дрожала, и зубы у нее стучали, как в лихорадке, но, в общем, держалась молодцом.

Пасси был само воплощение такта.

— Выключатель сразу у двери, — предупредил он. — И не бойтесь, мисс, никаких страхов не будет. Если разрешите, мистер Кемпион, я пройду первым.

Он открыл дверь, а мы столпились на каменном крыльце. Пасси щелкнул выключателем.

— Так, — сказал он и тут же осекся. Он издал звук, в котором недоверие к собственным глазам смешалось со страхом. Комната выглядела точно так же, как и утром, за исключением неожиданной детали. Стол, находившийся посреди комнаты, был разобран, а белая простыня валялась на полу, словно вставший человек легкомысленно отбросил ее. Свин Питерс исчез.

Глава 8

КОЛЕСИКИ ЗАКРУТИЛИСЬ

Возникла долгая, неприятная пауза. Всего лишь мгновение назад я мысленно видел тело Свина, вырисовывающееся под простыней. Переход к действительности был столь внезапным, что я был просто не в состоянии трезво мыслить. В комнате было прохладно и тихо. Лагг тяжело шагнул вперед.

— Черт возьми, покойника-то нету, — констатировал он. По тону, каким были сказаны эти слова, я понял, что он тоже потрясен. — Может, вы скажете, что же это происходит, господин инспектор?

Пасси стоял, не сводя глаз с разобранного стола, и его приятное, простое лицо сделалось бледным.

— Клянусь Богом, странное дело, — начал он и обвел взглядом полутемную комнату, словно ожидая найти разрешение загадки на ее голых стенах.

Момент был действительно жутким: ночь, тишина и пустая комната со смятой простыней на полу.

Пасси заговорил бы снова, если бы Эффи Роулендсон не устроила нам сцену. Потеряв последние остатки душевного равновесия, она сделала шаг назад, подняла голову и завопила, разинув рот, так что он стал похож на большую букву О. Это было невыносимо. Я схватил ее за плечи и с силой встряхнул.

Само собою, это ее успокоило. Последний вопль застрял у нее в горле, и она со злостью глянула на меня.

— Перестаньте, — сказал я. — Хотите всю деревню поднять на ноги?

Она попыталась оттолкнуть меня.

— Я боюсь. Сама не знаю, что делаю. Куда он пропал? Вы же говорили, что он здесь. Я должна была увидеть его, а он исчез!

Она громко всхлипнула. Пасси перевел взгляд с нее на меня.

— Пожалуй, девушке лучше вернуться домой, — внес он вполне разумное предложение.

Мисс Роулендсон вцепилась в меня, словно клешнями.

— Не бросайте меня, — взмолилась она. — Я одна в темноте никуда не пойду. Говорю вам — не пойду! Нет и нет, пока он где-то там бродит живой.

— Ничего страшного, — попытался я успокоить ее. — Лагг отвезет вас. Бояться нечего, тут просто какое-то недоразумение. Кто-то убрал труп в другое место, наверное, парни из похоронной конторы...

При последних словах Пасси поднял голову.

— Это уж нет. Час назад он был здесь, — я сам видел.

Эффи разревелась снова.

— Я с ним не поеду. Ни с кем не поеду, кроме вас. Я боюсь. Вы меня в это втянули и теперь должны мне помочь. Отведите меня домой! Отведите меня домой!

Она подняла невообразимый шум. Пасси бросал на меня умоляющие взгляды.

— Может быть, вы отвезете барышню домой, мистер Кемпион, — предложил он робко, — чтобы, так сказать, немного облегчить нам положение. Мне надо, пожалуй, немедленно вызвать сэра Лео.

Я вопросительно посмотрел на Лагга, но тот отвел глаза в сторону, а мисс Роулендсон, утопая в слезах, положила головку на мое плечо.

Ситуация была настолько неправдоподобной, что смахивала на кошмарный сон. Дворик перед пристройкой в неверном лунном свете наводил ужас. Было жарко и безветренно, даже листья на деревьях не шевелились. Эффи тряслась так, что, казалось, каждую минуту могла рассыпаться.

— Я сейчас вернусь, — бросил я Пасси и поскорее повел Эффи по дорожке к машине.

Гостиница «Оперившийся дракон» находится как раз на другом конце деревни. Она одиноко стоит на холме и славится если не лучшим обслуживанием, то во всяком случае лучшим пивом в округе.

Эффи Роулендсон расположилась на переднем сиденье, и когда я сел рядом с нею, прижалась ко мне. Она все еще плакала.

— Так и умереть можно, — хныкала она. — Я ко всему была готова, но это уж слишком. И к тому же Бакли наверняка сам ушел оттуда. Вы не знали Бакли так, как я, мистер Кемпион. Когда

мне сообщили, что его убили, я сразу не поверила. Он был хитрый и злой. Наверняка где-то прячется.

— Сегодня днем он был мертв, — ответил я резко. — Мертв. А поскольку при дневном свете чудеса теперь не случаются, надо полагать, что он по-прежнему мертв. Нет никаких причин так нервничать. Мне жаль, что вам пришлось пережить такую неприятность, но, конечно, тело исчезло по какой-то совсем иной причине.

Мне самому было неприятно, что слова мои звучат так неубедительно. Только во всем этом и впрямь было что-то тревожное. Неуловимость мертвого Свина становилась мистической.

Когда мы въехали в тихую полосу верескового пустыря, Эффи вновь задрожала.

— Фантазия у меня не очень богата, мистер Кемпион, — промолвила она, — но читать о всяких странных штуках приходилось. Что если он спрятался за той кучей камней, а теперь вдруг вылезет и пойдет к нам?

— Тихо! — отрезал я быстрее, чем успел об этом подумать. — Так со страха с ума сойдете, дорогая моя. Уверю вас, что все объяснится каким-то вполне естественным образом. Когда будете в гостинице, напейтесь чего-нибудь горячего и сразу ложитесь в постель. Сами увидите — утром загадка прояснится.

Она отодвинулась от меня.

— Вы злой, — сейчас она вела себя точь-в-точь как прежде. — Я знала, что вы злой. Но мне злые нравятся, факт.

Все эти молниеносные перемены в ее поведении приводили меня в отчаяние, и я был рад, когда мы, наконец, подъехали к гостинице. Черные балки и белая кладка красивого старинного фасада терялись во тьме. Близилась полночь.

— Вам в которую дверь? — спросил я.

— В ту, на которой написано «Клуб». Скорее всего она будет заперта.

Я оставил ее в машине и пошел стучать. Долго никто не отвечал. Я уже начал терять терпение, когда за дверью донеслось какое-то движение. Я постучал снова, и на сей раз дверь отворилась.

— Однако поздно вы, — услышал я голос, который меньше всего на свете ожидал услышать, и Джильберт Уиппет — именно Джильберт Уиппет и никто иной — высунул свою бледную в лунном свете физиономию.

Я разинул рот от удивления, и на его лице особой радости при виде меня тоже не появилось.

— Ага... гм... Кемпион, — проговорил он. — Привет! Поздно, а?

Он потихоньку пятился назад в темноту за дверью, когда я, наконец, опомнился.

— Эй! — сказал я, схватив его за рукав. — Эй, Уиппет, куда же это ты?

Он не сопротивлялся, но и не проявлял никакого желания показаться на свет. Было ясно, что, как только я его отпущу, он исчезнет в гостинице.

— Я как раз собирался лечь, — бормотал он, видимо, в ответ на мой вопрос, — но тут услышал стук и пошел отворять дверь.

— Погоди, нам надо поговорить, — оборвал я его. — Что ты тут вообще делаешь?

В моем голосе прозвучал, хоть этого и не было у меня в мыслях, оттенок укоризны, Уиппет — настолько, странное существо, что вести себя с ним естественно невозможно.

Он ничего не ответил, и я повторил свой вопрос.

— Здесь? — сказал он, глядя на гостиницу. — Ну, живу здесь. Всего пару дней.

Он меня прямо-таки из себя выводил, и я совершенно забыл об Эффи, пока за спиной не раздались ее шаги.

— Мистер Уиппет, — проговорила она, тяжело дыша, — он исчез! Труп исчез! Что будем делать?

Уиппет глянул на нее своими блеклыми глазами, и мне показалось, что я увидел в них нечто, похожее на предостережение.

— Ах, мисс Роулэндсон, — сказал он. — Вы уходили куда-то? Уже слишком поздно, не так ли?

К моей радости она твердо держалась на своем:

— Труп исчез! Труп Бакли.

На этот раз информация сработала. На мгновение Уиппет превратился во вполне интеллигентное существо.

— Исчез? — переспросил он. — Но... Это неприятно. Все задержится.

Голос его перешел на шепот. Ни с того ни с сего он пожал мне руку.

— Очень рад, что увидел тебя, Кемпион. Как-нибудь к тебе загляну. Ну, спокойной ночи!

Он отступил к двери. Эффи за ним. Я вовремя сообразил поставить ногу на порог.

— Слушай, Уиппет, если ты можешь чем-то нам помочь или тебе что-то известно, лучше скажи сразу. Что ты вообще знаешь о Питерсе?

Он заморгал.

— Но... ничего. Я просто живу здесь. Слышал, что люди говорят...

Я схватил его за рукав как раз в тот миг, когда он собирался исчезнуть.

— Ты ведь тоже получил тогда анонимку, — продолжал я настойчиво. — Следующая тоже пришла тебе?

— Об осе? Да. Да, пришла, Кемпион. Где-то она у меня есть. Я ее показывал мисс Роулэндсон. Слушайте, это ведь крайне неприятно — то, что произошло с трупом. Вы осмотрели реку?

Его замечание было настолько неожиданным, что совсем выбило меня из колеи.

— Почему, ради всех святых, реку? — спросил я. — Ты что-то знаешь об этом?

— Я бы заглянул в реку, — ответил он. — Это ведь ясно, как божий день, тебе не кажется?

Он шагнул и попытался затворить дверь — мисс Роулэндсон была уже внутри — но я не убрал ногу, и ему пришлось остановиться. Похоже, что он был в отчаянии.

— Сейчас очень поздно, — сказал он. — Не считай меня невоспитанным. Если разрешишь, я зайду к тебе завтра. Нет смысла что-то предпринимать, пока не найдется труп, — это ты понимаешь?

Я колебался. То, что говорил Уиппет, было во многом справедливо. Мне очень хотелось вернуться, но, с другой стороны, было очевидно, что именно он сможет кое-что объяснить. Например, что он, черт возьми, имеет общего с Эффи Роулэндсон.

Это мгновение неуверенности погубило все. Он снова шагнул вперед, я непроизвольно отодвинулся, и дверь мягко, почти вежливо затворилась у меня перед носом.

В душе проклиная его, я все же решил, что Уиппет может и подождать, и поспешил, к машине. По дороге к полицейскому участку я пытался как-то связать неожиданное появление Уиппета со всей этой загадочной аферой.

Полмили я проехал меньше чем за минуту и, остановился как раз в тот момент, когда с противоположного направления к дому подъехала еще одна машина. Я узнал почтенный «хамбер» Лео. За рулем был Пеппер-младший, а Лео махал мне рукой из автомобиля.

— Это ты, Кемпион? Ну и история! Мне только что звонил Пасси.

Я подошел к его машине и открыл дверцу.

— Вы ведь выйдете, полковник?

— Разумеется, мальчик мой, разумеется. Я бы мог приехать и раньше, но пришлось остановиться и подобрать Батвика. С ним по дороге домой случилось что-то неприятное.

При этих словах он включил свет в машине, и я увидел бледное смущенное лицо мистера Филиппа Смедли Батвика, улыбавшегося мне с совершенно нетипичным дружелюбием. Костюм на нем был мокр, хоть выжимай. Смокинг прилип к телу, воротничок превратился в мокрую тряпку.

— Рассказывает, что упал в реку, — объяснил Лео.

Глава 9

И ВАМ ЖЕЛАЮ ТОГО ЖЕ...

— В реку, — повторил я и вспомнил идиотское замечание Уиппета. — Серьезно?

Батвик хихикнул. Это был явно нервный смех, но Лео нахмурился.

— Ну, не совсем, — сказал Батвик, — я хотел пройти напрямик через пустошь, споткнулся и упал в канаву. Фонарика у меня с собой не было. Я направился назад к дороге, а сэр Лео заметил меня и был так добр, что подвез с собою.

История, безусловно, звучала фантастично, потому что луна светила так ярко, что буквы можно было бы различить, не то что канаву. Я был уверен, что и Лео обратит на это внимание, но его мозг настроен был поскорее оказаться на месте таинственного исчезновения.

— Ничего, ничего, через пару минут вы будете дома, — сказал Лео. — Пеппер вас отвезет. Приготовьте грог, завернитесь получше в одеяла и все будет в порядке.

— Ну... спасибо, большое спасибо, — ответил Батвик. — Мне тоже кажется, что так будет лучше всего. Должен вам, однако, объяснить...

Больше мы ничего не услышали, потому что Пеппер-младший, разделявший, видимо, желание своего хозяина поскорее оказаться на месте событий, нажал на газ — Батвика и след простыл.

— Где вы его подобрали? — поинтересовался я у Лео.

— Внизу на дороге. Чуть не переехали. Да ничего с ним не произошло — вымок и только.

Лео возился со щеколдой на калитке и Батвик его, очевидно, совершенно не интересовал.

— Это понятно, — сказал я. — Но он ведь ушел из айуотерс около десяти. Я считал, что Кингстон отвез его домой.

— А он и подвез его, — ответил Лео, облегченно вздыхая, потому что нам удалось-таки объединенными усилиями отворить калитку. — Высадил Батвика на перекрестке за амбарами и тот сказал, что пройдет дальше пешком через пустошь. Там ярдов пятьсот, не больше, но этот растяпа ухитрился свалиться в канаву, совсем растерялся и вернулся на дорогу. Здесь все просто, Кемпион, никаких загадок. Пошли, мой мальчик, пошли! Мы тут только время теряем.

— Но ведь сейчас уже полночь, — заупряился я. — Не мог же он два часа вылезать из канавы?

— А почему бы и нет? — раздраженно ответил Лео. — Это же размазня, а не мужчина. Да некогда нам сейчас им заниматься — хватает дел посерьезнее. Фокусы с трупами — вот что мне не нравится. Мы здесь таких вещей не потерпим! Должен тебе сказать, Кемпион, для меня это — удар. Ага, вот и Пасси. Ну, что нового?

Пасси, как я сразу заметил, уже поборол свой суеверный страх и сейчас был, скорее, возмущен.

— Безобразный случай, сэр. Это что верно, то верно.

Он провел нас в пристройку. Лагг, к счастью, держался в стороне. Пасси коротко изложил то, что ему удалось выяснять:

— Все окна были закрыты изнутри так, как вы и сейчас их видите, сэр, а дверь была заперта. Без четверти одиннадцать я делал обход, чтобы проверить, все ли в порядке, и труп тогда был на месте. Потом отправился в дом и собирался уже ложиться спать, когда приехал мистер Кемпион с девушкой и мистером Лаггом, мы пришли сюда и тогда-то все обнаружилось, сэр.

Он замолчал, переводя дыхание, а Лео сердито проворчал:

— Ключ был все время у вас?

— Все время, сэр.

Слушать о том, что произошло чудо, для Лео все равно, что видеть написанную черным по белому ложь. Видно было, что он потихоньку закипает.

— Слушайте, Пасси, — начал он с не предвещающим ничего хорошего спокойствием, — я всегда считал вас способным полицейским, но сейчас вы хотите, чтобы я поверил в сказочку. Если труп не исчез через окно, значит, его вынесли в дверь, а поскольку вы единственный человек, у которого был ключ...

Пасси кашлянул.

— Прошу прощения, сэр, но мы с мистером Лаггом кое-что тут выяснили, если можно так сказать. Этот сарай строил Генри Ройл — тот, у которого строительная контора на Мейн-стрит — и мы с мистером Лаггом обратили внимание, что и в соседних дворах есть такие Же сараи, сэр, поставленные в одно и то же время, у всех у них одинаковые замки.

Гнев Лео несколько ослабел, приглушенный любопытством.

— Где-нибудь пропали ключи?

— Нет, не пропали, сэр, но, учитывая то, что в последние дни у Ройла в этих местах было много работы, вполне возможно... — Он не договорил, проглотив конец фразы.

Лео выругался, и ему явно стало легче.

— Ладно, сейчас нам это мало что дает, — проговорил он сердито. — Удивляюсь, как это вы, Пасси, вообще берете на себя труд что-то записать. Чертовская халатность. Типично для нашей эпохи, — добавил он вполголоса, обращаясь ко мне.

Пасси, однако, еще не закончил. С гордым видом он провел нас вокруг пристройки по некошеной траве к просмоленному забору, окружавшему двор. Три доски в заборе были выломаны, так что пролезть через него на дорогу не представляло никакого труда.

— Свежее, — констатировал Пасси. — Кто-то выломал их сегодня ночью.

Беглый осмотр дороги ничего не дал. Земля была твердой: плотно утоптанная грязь, сквозь которую пробивались стебельки травы. Пасси выразил общее мнение, когда сказал:

— Тот, кто его унес, должен был сделать это не раньше чем без четверти одиннадцать и не позже чем одиннадцать двадцать пять. Наверное, у него была машина или какая-нибудь тележка — покойник был тяжелый. Прошу прощения, сэр, но, по-моему, лучше подождать до утра, а потом допросить всех, кто тут вокруг живет. В темноте, мне кажется, мы ничего не добьемся.

На том, в конце концов, и порешили. Пасси отправился спать, Пеппер-младший усадил Лео в автомобиль, а я отослал Лагга вместе с машиной назад и зашагал по поросшей травой дороге. Луна уже заходила, на востоке начали появляться первые отблески зари, похолодало, и мне хотелось пройтись.

Дорога местами шла среди высоких кустов. Пасси подробно объяснил, как мне выйти на шоссе, поэтому я медленно плелся, размышляя обо всей этой истории. Насколько я мог судить, Лео и Пасси были в негодовании. Конечно, убийство их тоже потрясло, но это кощунственное обращение с трупом особенно возмутило их.

Когда я так размышлял, мне вдруг пришло в голову, о последнее событие, собственно говоря, лучшее из всего, что до сих пор случилось. Доводов у меня не было никаких, но я считал, что оно практически исключает из игры горстку друзей Лео, помогавших Поппи в ее невзгодах. Кто-нибудь из этих старых добряков мог подстроить эту, чуть даже комичную «случайность», убившую Свина, но ни один из них не стал бы вести себя так бессмысленно, таская туда-сюда его труп.

Перебирая различные варианты, я как раз дошел до Батвика, когда оказался на лугу, тянувшемся вверх по склону холма, округлая вершина которого вырисовывалась на фоне неба. Я знал, что, если мне надо выйти на шоссе и сэкономить лишние две мили пути, следует перейти этот луг, а за ним еще один.

У подножия холма была кромешная тьма, и вот, когда я брел вперед, погруженный в свои мысли, до меня отчетливо донесся сверху звук человеческого голоса настолько жуткий, что у меня волосы стали дыбом.

Это был кашель Свина.

Было так тихо, что я слышал и хрип в гортани, и кашель, и икоту в конце.

Я остановился, и меня внезапно охватили все давно забытые, смешные детские страхи. Потом я бегом бросился к холму. Ветер свистел у меня в ушах, сердце колотилось, как бешеное.

Взбежав наверх, я сразу заметил какой-то силуэт на фоне серого неба. Был он таким неожиданным, что я замер и несколько мгновений тупо смотрел на него. Там стояла тренога, а на ней нечто, на первый взгляд показавшееся мне небольшим пулеметом. Впрочем, я тут же сообразил, что это старинная подзорная труба.

Я осторожно продвигался вперед и был уже почти у самой трубы, когда с земли поднялся какой-то мужчина и застыл в ожидании меня. Свет, сколько бы там его ни было, находился у него за спиной, так что я видел только контур небольшой фигурки. Я остановился и, поскольку ничего лучшего мне в голову не пришло, произнес величайшую глупость, какую только мог придумать в данных обстоятельствах. Я сказал:

— Доброго здоровья...

— И вам желаю того же... — ответил один из самых противных голосов, какие мне приходилось в жизни слышать.

Он направился ко мне. Мне стало легче на душе, потому что я узнал его по особой, неестественной походке.

— По-моему, меня наша встреча радует больше, чем вас, — начал он. — Вы мистер Кемпион, так ведь?

— Да, — ответил я, — а вы мистер Хейхоу.

Он засмеялся. Звук был неприятный, неестественный.

— Похоже на то, — бормотал он, — похоже. Надеюсь с вами сегодня встретиться, мистер Кемпион, и как раз думал, как бы устроить, чтобы мы могли поговорить наедине. А тут такая неожиданная и радостная встреча! Никак не предполагал, что человек в вашем возрасте будет бродить на рассвете за деревней. Современные молодые люди готовы большую часть дня проводить в постели.

— Вы тоже ранняя пташка, — сказал я, взглянув на подозрительную трубу. — Ждете восхода солнца?

— Да, — ответил он и опять засмеялся, — и еще кой-чего.

Какой-то дурацкий разговор вели мы тогда на вершине холма в два часа утра. Мне вдруг почему-то стукнуло в голову, что, может быть, мистер Хейхоу из тех модных сейчас любителей природы, которые лезут повсюду и наблюдают за птичками. Он, однако, скоро избавил меня от этого заблуждения.

— Насколько мне известно, вы расследуете убийство этого несчастного Гарриса. Я, мистер Кемпион, мог бы вам здорово помочь. Охотно сделаю вам одно предложение. За разумную цену — о ней мы договоримся — я готов вам сообщить очень любопытные сведения. Вам самому пришлось бы долго разыскивать их, а они помогли бы вам быстро закрыть дело. Вы бы выиграли в репутации, а я подзаработал бы. Если бы мы договорились на...

Признаюсь, что тут я рассмеялся. Такие предложения я получаю достаточно часто. Потом я вспомнил о кашле, который привел меня сюда.

— Полагаю, что Гаррис был вашим родственником, — заметил я.

Он немного сбавил тон и пожал плечами.

— Племянник, — ответил он, — и к тому же непослушный. Он был, знаете, довольно-таки состоятельный молодой человек, а я — надеюсь, вы догадываетесь: я не из тех людей, что проводят время в берлогах жалких поденщиков или шатаются вечерами по полям и лугам.

Старикашка был жуткий, но я был доволен, что выяснил, наконец, загадку кашля.

Тут мне кое-что пришло в голову. В конце концов, до сих пор Бакли Питерса с Освальдом Гаррисом связывал только я; исключение Эффи Роулэндсон, но у нее были только неясные подозрения.

— Погодите, — проворчал я, — вы имеете в виду своего племянника Роулэнда Питерса?

К моему большому огорчению, мистер Хейхоу не попался на удочку.

— У меня несколько племянников, мистер Кемпион, точнее говоря, было несколько, — сказал он с преувеличенным достоинством. — Не хотел бы оказывать на вас нажим, но я рассматриваю нашу беседу как деловую. Если не возражаете, прежде всего условия. Что вы скажете насчет пятисот гиней за полное и конфиденциальное объяснение всего дела? Могу, впрочем, если до того дойдет, разложить эту сумму и на нескольких.

Пока он говорил, я думал, и в это мгновение меня осенило.

— Мистер Хейхоу, — спросил я, — а как там оса?

Он негромко присвистнул, но тут же взял себя в руки.

— Ах, так, — произнес он с внезапной осторожностью и уважением, — значит, об осе вы уже знаете?

Глава 10

СТАКАНЧИК ВИКАРИЯ

Я не ответил. При своей полной неосведомленности я просто и не знал, что сказать. Я молчал и надеялся, что молчание мое выглядит многозначительно. Он, однако, не дал себя спровоцировать.

— Сам бы я об этой твари и не вспомнил, — проговорил он вдруг, — но что-то за этим может быть. Да, это удачное замечание. Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что вы — человек большого интеллекта.

Он вздохнул и присел на землю.

— Да, — продолжал он, обхватив колени руками, — мне кажется, мы с вами далеко могли бы зайти, если бы только договорились. Однако, возвращаясь к условиям... Поверьте, мне не хочется настаивать, но мои финансы, увы, довольно в жалком состоянии. Как далеко согласились бы вы пойти?

— Никак, — ответил я решительно, хотя и вежливо. — Если вы знаете что-то о смерти своего племянника, ваш прямой долг сообщить об этом в полицию.

Мистер Хейхоу пожал плечами.

— Что ж поделаешь, — сказал он с сожалением. — Возможность я вам дал, этого отрицать вы не будете.

Я повернулся уходить, ожидая, что он позовет меня. Так оно и случилось.

— Молодой человек, молодой человек, — закричал он, когда я спустился на пару шагов по склону холма, — не торопитесь! Поговорим разумно. У меня есть определенная информация, которая имеет для вас ценность. Чего ради нам ссориться?

— Если бы вы знали что-то действительно существенное, — бросил я через плечо, — вряд ли отважились бы об этом говорить.

— Ох, вы не понимаете. — У него, видимо, камень свалился с сердца. — Мое положение безопасно. Терять мне нечего, я могу только выиграть. Это же совсем просто. Совершенно случайно у меня появилось нечто, что я хочу превратить в деньги, и есть два возможных покупателя. Один — вы, а другой — человек, имя которого я не буду называть. Уступлю я, разумеется, тому, кто предложит мне больше.

Он начал мне надоедать.

— Мистер Хейхоу, — сказал я, — я устал и хочу спать. Вы меня задерживаете. Кроме того, вы строите из себя шута. Мне жаль, что приходится говорить так откровенно, но так уж оно есть.

Он встал.

— Так слушайте, Кемпион, — произнес он изменившимся тоном. Сейчас это был голос опытного афериста. — Если захочу, я сообщу вам кое-что крайне любопытное. Полиция может, конечно, потягать меня, но посадить нет, потому что ничего не сможет доказать. Я ничего не скажу, и заставить им меня не удастся. За справедливое вознаграждение я наведу вас на правильный след. Что вы на это скажете? Сколько дадите?

— В данной ситуации вообще ничего, — ответил я. — Разве что два с половиной шиллинга.

Он засмеялся и скромно ответил:

— Думаю, что смогу получить больше. Намного больше. Однако я не миллионер, и как раз сейчас дела у меня идут совсем скверно. Что, если мы встретимся завтра утром, не так рано, как сейчас, а, скажем, часов в семь? Это дает мне в распоряжение двадцать четыре часа. Если не удастся в другом месте, возможно, я немного сбавлю. Что скажете?

Это был довольно отвратительный представитель рода человеческого, но таким он нравился мне все-таки больше.

— Можно будет поговорить об осе, — уступил я неохотно.

Он подмигнул мне.

— Ладно. Об осе и... кое о чем еще. Значит, жду вас завтра в семь утра...

Когда я уже собрался уходить, мне пришла в голову еще одна мысль.

— Насчет второго покупателя, — посоветовал я. — За сэром Лео я бы на вашем месте не ходил. На этот раз его смех прозвучал искренне.

— Не так вы хитры, как я думал, — сказал он, и у меня было, по крайней мере, о чем подумать по дороге с холма. Честно скажу: до этого момента я и не догадывался, что Хейхоу — шантажист.

Я решил, что поступил совершенно правильно, оставив его на двадцать четыре часа в неизвестности, но, как я уже говорил, тогда я еще не знал, что за человек наш противник. Если у меня появится когда-нибудь еще склонность к самолюбованию, я вспомню этот разговор на холме.

Когда я, совсем выбившись из сил, шел по парку к дому, уже светало. Воздух был чудесный, небо прозрачно-голубое, а птицы щебетали сколько духу хватало.

Я надеялся, что французское окно в столовой не заперто, я был уже возле него, когда случилось нечто довольно неприятное. Дженет, у которой не было ни малейшего повода вставать так рано, появилась на балконе и заметила меня. Подняв глаза, я увидел, как она смотрит вниз, на мою фигуру в смокинге, пробирающуюся к окну. На лице ее отразилось удивление, смешанное с презрением.

— Доброе утречко, — проговорил я невинно. На ее щеках появились багровые пятна.

— Надеюсь, ты проводил мисс Роулэндсон, и с ней все в порядке, — заметила она и вернулась в комнату прежде, чем я успел что-нибудь объяснить.

Я выкупался и поспал часа два, но около восьми, когда пришел Лео, я уже ждал его. Мы пошли прогуляться в сад перед завтраком, и я изложил ему свою просьбу.

— Установить слежку за этим типом? — сказал он. — Хорошая мысль! Сразу же позвоню Пасси. Ну и имечко же — Хейхоу! Наверняка, какая-то кличка. У тебя есть какие-то доводы или подозреваешь его просто так, вообще?

Я рассказал ему о нашем разговоре на холме, и он заявил, что распорядится немедленно засадить этого типа в каталажку.

— Я бы не стал этого делать, полковник, — возразил я. — Не думаю, что он может быть замешан в убийстве, разве что ведет уж невероятно опасную игру. Оставьте его на свободе, и он нас наведет на след кого-нибудь поинтереснее.

— Как хочешь, как хочешь, — ответил Лео. — Я всегда предпочитаю прямые методы.

Как потом выяснилось, он был абсолютно прав, но мы того знать еще не могли.

Дженет не вышла к завтраку, но мне даже некогда было подумать об этом, потому что не успели мы доесть, как в столовой появился Кингстон. Он был полон энтузиазма, и для своих сорока лет выглядел очень молодо. Густые светлые волосы были растрепаны, серые глаза необычно сияли.

— Нашел, — крикнул он еще с порога. — Всю ночь просидел над бумагами, рылся, пока не нашел. Адвокатская контора, с которой я связывался насчет Питерса, называется «Скин, Сьютен и Скин», адрес — Линкольне Инн Филдс, Лондон. Пригодится?

Я записывал название и адрес, а он выжидающе глядел на меня.

— Я бы мог устроить себе свободный день и съездить туда вместо вас, — предложил он. — Или вы желаете поехать сами?

Мне не хотелось задеть его; он был так возбужден, что мне подумалось, какая же у него должно быть скучная жизнь, если он так стремится поиграть в детектива.

— Пока нет, — сказал я. — С этим придется обождать. Дело в том, что исчез труп.

— Правда? Быть не может! — Он был вне себя от восторга и тараторил дальше, когда я ему объяснил, что произошло: — Ну и дела, а? Ясно, что адвокаты могут и подождать, это я понимаю. Я могу вам чем-нибудь помочь? Сейчас я еду в «Серенаду» взглянуть на свою пациентку, потом надо будет наведаться еще в пару мест, но после этого я — к вашим услугам.

— Мне тоже нужно к Поппи, — сказал я. — Буду очень благодарен, если вы и меня подбросите.

Лео успел выйти из столовой и, когда я через пару минут заглянул к нему в кабинет, уже звонил Пасси. Он внимательно выслушал мой беглый отчет о том, что мне стало известно.

— Погоди-ка, — рассуждал он, когда я закончил, — так ты думаешь, что между тем Питерсом, которого ты знал, и Гаррисом могла существовать какая-то связь, и хочешь, чтобы этих лондонских адвокатов хорошенько расспросили и заодно предложили им опознать труп. Верно?

— Да, — ответил я. — Может быть, все это ерунда, но нам необходимы сведения об обоих — Питерсе и Гаррисе. Особенно меня интересует, откуда у Гарриса взялись деньги — страховка или еще что-нибудь? Допускаю, что все это может оказаться холостым выстрелом, но ведь нельзя исключить и то, что эти юристы будут нам полезны. Надо будет только побеседовать с ними поосторожнее, по телефону это, пожалуй, не получится.

Лео кивнул.

— Само собой, мой мальчик. Все, что может пролить свет на эту дикую историю, сам понимаешь... Пасси устроит слежку за этим типом, этим Хейхоу.

Внезапно он запнулся и посмотрел на меня.

— Надеюсь, это не приведет нас к кому-нибудь, кого...

Он замолчал в растерянности.

— Я сейчас еду в «Серенаду», — пробормотал я.

Он откашлялся.

— Я заеду за тобой. Только не напугай ее, мой мальчик, только не напугай. Я не могу поверить, что бедняжка Поппи может иметь с этим что-то общее.

Кингстон, весь сияя, ждал меня в машине. Развитие событий, видимо, приводило его в восторг.

— Для вас это хлеб насущный, — сказал он с легкой завистью, когда я сел рядом с ним в машину. — А у меня здесь никогда ничего не происходит, так что было бы просто ненормально, если бы меня это не увлекло.

Хотя в том, как люди реагируют на чужие трагедии, есть что-то немного извращенное, вам не кажется? Я, собственно, Харриса почти не знал, и даже то, что знал о нем, мне не нравилось. Я бы сказал, что мир немного потерял с его смертью. Я его видел как раз перед тем, как он умер, где-то за час до того, и, помню, подумал, что он здесь только мешает.

Меня занимали свои собственные проблемы, но я не хотел показаться невежливым.

— Где это было? — спросил я рассеянно.

Он прямо сгорал от желания поделиться со мной.

— На лестнице в «Серенаде». Я шел вверх к своей пациентке — у нее желтуха, — а он еле плелся вниз. Сразу видно, что с похмелья — да еще как! Прошел мимо меня — глаза стеклянные, язык чуть не вываливается изо рта. Не поздоровался, слова не сказал... Да вы же знаете таких людей!

— Эта ваша пациентка, — сказал я, — она, наверное, была у себя наверху, когда случилось несчастье...

Он повернулся ко мне, удивленно спросил:

— Флосси? Была, но это ничего вам не дает. Она лежит в задней части дома, наверху в мансарде. Да и вам надо было бы видеть ее, беднягу. Сейчас ей уже немного лучше, а два дня назад бедная девушка и на ноги встать не могла. Может, конечно, слышала что-нибудь: об этом я у нее спрошу.

Я ответил, что не стоит, но он весело продолжал тараторить, предлагая всякую бесценную помощь. Насколько я вообще его слушал, он вызывал у меня сочувствие. Жизнь, которая нуждается в убийстве, чтобы стать занимательной, на мой взгляд, трудно назвать веселой.

В «Серенаде» он сразу же направился вверх к больной, а я пошел к Поппи в салон. В этот ранний час, кроме нас, там никого не было. Она обрадовалась мне, как всегда энергично, заявила, что я должен немедленно чего-нибудь выпить. Я пошел за ней в бар и, когда она готовила коктейль, сразу же, пока не вернулся Кингстон, задал ей волновавший меня вопрос.

— Вы говорили, что отлично помните вчерашнее утро. Никто из гостей не ушел незадолго до того, как случилось несчастье? Так, за полчаса до этого?

Она как раз вынимала кубики льда из ванночки в холодильнике и на мгновение задумалась.

— Да нет, никто, если не считать нашего викария.

Я снял очки.

— Батвика?

— Да, он всегда приходит около полудня. Любит коктейли на американский манер — вот, как этот твой, но больше одного никогда не выпивает. Забежит около двенадцати, выпьет стаканчик и уходит. Вчера я сама проводила его к двери, он ходит к себе прямо через сад. А что?

Я стоял, глядя на стакан в своей руке, и крутил его так, что льдинки кружились в янтарной жидкости. В этот момент весь случай был у меня перед носом как на тарелочке.

К сожалению, я видел только половину его.

Глава 11

ЗАЧЕМ ЕГО БЫЛО ТОПИТЬ?

Я все еще продолжал ломать себе голову, когда Поппи положила мне руку на плечо. Я обернулся. Ее круглое лицо покраснело и было страшно озабоченным.

— Альберт, — прошептала она, — сейчас ничего не выйдет: Кингстон уже возвращается, но я хочу тебе кое-что сказать. Тсс, он уже здесь.

Она снова повернулась к бару и начала возиться со стаканами. Вошел Кингстон, веселый и довольный собой.

— Ей уже намного лучше, — сказал он, улыбаясь Поппи, — через пару дней будет прыгать, как козочка. Только пусть не ест ничего жирного. Хотите поговорить с нею, Кемпион?

Поппи вопросительно посмотрела на него, и он объяснил ей, в чем дело. Она засмеялась.

— У нее на это не хватило бы ни сил, ни ума, — подчеркнула Поппи. — Да хоть бы и хватило, она бы ничего такого не сделала бы. Наша Флосси — чудесная девушка! Флосси — вот это мысль! В жизни не слыхала большей глупости!

Кингстон, однако, стоял на своем, и его упрямое стремление присутствовать при всем наверняка обозлило бы меня, если бы дело было и впрямь срочным.

А так мы вместе пошли наверх по лабиринту коридоров и неожиданных лестниц, пока не добрались до комнатки в мансарде на противоположной стороне дома от чулана, рядом с которым стояла ваза.

Увидев Флосси, я сразу понял, что Поппи права. Ее похудевшее, желтое личико было трогательно апатичным. Кингстон начал задавать ей вопросы. Не слышала ли она чего-нибудь? Не выходила ли на минутку из комнаты? Не случилось ли вчера чего-нибудь необычного? Она на все отвечала «нет, сэр» с усталой терпеливостью тяжелобольного человека.

Мы вышли и направились еще раз взглянуть на кладовую. Там ничего не изменилось со времени моего прошлого визита, Кингстон вел себя, ну, прямо, как эксперт. Очевидно, он сам себе нравился в новой роли.

— А здесь вот царапина, — сказал он, показывая на бороздку, которую я заметил еще раньше. — Она вам что-нибудь говорит, Кемпион? Выглядит довольно свежей, правда? Может, надо попробовать снять отпечатки пальцев?

Я грустно посмотрел на толстую штукатурку и увел его прочь.

В конце концов, мы от него все-таки избавились. Он предложил подвезти меня к полицейскому участку, но я поблагодарил его и объяснил, что за мной заедет Лео. Случайно взглянув при этом на Поппи, я заметил, что на ее щеках появился румянец.

Мы стояли с ней вместе у окна и смотрели, как машина Кингстона исчезает за поворотом.

— Скучает он, — вздохнула Поппи. — Все они здесь скучают, милые мои защитники. Он — хороший парень и вовсе не обожает убийства, но теперь у него хоть есть о чем говорить, когда он приходит к своим пациентам. Ужасно, должно быть, каждый день встречаться с людьми, которым нечего сказать, как ты думаешь?

— Пожалуй, — ответил я неуверенно, — пожалуй. Так что же вы хотели мне сказать?

Она ответила не сразу, вновь покраснела и стала похожей на большого провинившегося ребенка, от которого хотят, чтобы он в чем-то сознался.

— Я вчера немного повздорила с Лео, — выдавила она наконец. — Не то чтобы это меня очень трогало, нет, хотя человек должен уметь ладить со своими клиентами и... друзьями. Я понимаю, что он на меня сердится. Я наврала ему и очень глупо, а потом мне уже не хотелось все объяснять. Так ведь бывает. Она замолчала и посмотрела на меня.

— Еще бы, — ответил я весело.

— Самое глупое, что по сути дела все это не имеет ни малейшего значения, — продолжала она. — Здесь все такие страшные снобы, Альберт.

Я не очень понимал, о чем она говорит, и прямо спросил, в чем дело.

— В этом самом Хейхоу, если хочешь знать, — взорвалась она. — Конечно, это самый настоящий сукин сын, Альберт, но все-таки он — человек и хочет жить, как и каждый, верно?

— Минуточку, — сказал я. — Расскажите обо всем по порядку. Этот Хейхоу — ваш друг?

— Да нет, никакой не друг! — Она была явно задета таким предположением. — Но на прошлой неделе он попросил у меня помощи.

Меня осенило.

— Хотел от вас денег?

— Что ты! — Она была шокирована. — Конечно, с деньгами у него, бедняги, было плохо. Он рассказал мне, как до этого дошло, и я заняла ему пару фунтов — это да, но чтобы он хотел от меня денег, этого нельзя сказать. Видишь ли, Берти, все было так: он пришел ко мне дня через два после того, как здесь поселился этот несчастный Гаррис. Я уже начала как раз подозревать, что он за птица, когда этот старик явился, попросил разрешения поговорить со мной наедине и все рассказал. Гаррис был его племянником, понимаешь, и какими-то штучками — я уж толком не помню, как там у них было — оставил старика без гроша. Вот прохвост! Этот Хейхоу хотел встретиться с ним с глазу на глаз и потребовать свои деньги обратно, а я должна была ему в этом помочь. Я пустила его в комнату Гарриса...

— То есть как? — вырвалось у меня.

— Ну... объяснила ему, где это, и пустила наверх. Это было несколько дней назад. Они страшно там поругались, бедняга Хейхоу сбежал вниз вне себя и с того дня больше не показывался здесь, до вчерашнего вечера, когда его увидел Лео. Мне не хотелось во все это посвящать Лео — зачем доставлять старику неприятности, когда вчера утром его и близко здесь не было, а Лео теперь сердится. Уладь это как-нибудь, Альберт, будь добр! И выпей еще!

Пить мне не хотелось, но сделать все, что смогу, я обещал.

— А откуда вы знаете, что Хейхоу не было здесь вчера утром? — спросил я.

Она посмотрела на меня, как на ненормального.

— Надеюсь, мне все-таки известно, что творится в собственном доме. Знаю, что меня считают старой, симпатичной разиней, но совсем из ума я еще не выжила. Кроме того, у нас ведь каждого тут допрашивали. Нет, он не имеет ничего общего с этим кошмаром.

— А что Хейхоу делал здесь вчера?

— Вчера вечером? Это... — тут она замялась, — это не так просто объяснить. Пришел поддержать меня, зная, каково мне в такой ситуации приходится среди всех этих снобов, и предложил помощь как человек, много повидавший в жизни.

На минутку она задумалась.

— По правде говоря, я думаю, если хочешь знать, что он приходил выпить, — добавила она с тем практицизмом, который ее всегда выручает.

— Вы ему снова заняли денег? — пробормотал я недоверчиво.

— Только пару шиллингов. Лео об этом не говори. Он и так уверен, что я совсем рехнулась.

Я снова вспомнил о Батвике, и Поппи, выведя меня из дома, показала тропинку, ведущую между огородными грядками к калитке в саду викария. Тропинка была узенькая, местами почти совсем невидимая за развесистыми деревьями. Когда мы вернулись в дом, я обратился к Поппи снова.

— Послушайте, Поппи. Я знаю, что полиция уже допрашивала всех ваших людей. Не хотелось бы мне беспокоить их вновь, но вы, пожалуй, могли бы между прочим выяснить, не болтался ли кто-нибудь наверху до того, как случилось несчастье? Например, Батвик мог вернуться без всякого труда.

— Викарий? — переспросила Поппи. — Но ведь... Не думаешь же ты?.. Ох, Альберт, это же чепуха какая-то!

— Разумеется, — поспешил я согласиться. — Просто мне пришла в голову мысль разузнать, мог ли кто-нибудь пробраться наверх. Любопытство — и ничего более.

— Что ж, это я выясню, — поддержала она энергично.

Я поблагодарил ее и не поленился, на всякий случай, объяснить, что понимает закон под словом «диффамация».

— Мне об этом можешь не распространяться, — сказала она и добавила: — Там, кажется, подъехала машина?

Мы поспешили к двери. Поппи по дороге приглаживала свои седые локоны. У главного входа, однако, был не Лео, а Лагг в моей машине. Он многозначительно кивнул мне, и я увидел на его круглом лице выражение необычайного волнения.

— Садитесь скорее, — сообщил он, когда я подошел поближе. — Полковник в участке и требует вас. Кой-чего случилось.

— Труп, наверное, нашли?

Он был явно разочарован.

— Вижу, ваш талант ясновидца во всю работает, — сказал он и, улыбнувшись Поппи через мое плечо, добавил в знак уважения, связанного, я уверен, с выпитыми здесь литрами пива: — Мое почтение, сударыня!

— Очень жаль, — откланялся я Поппи, — но мне надо уйти. Лео ждет меня в полицейском участке. Там стряслось что-то. Я пришлю его к вам, как только все немного утихнет.

Она похлопала меня по плечу.

— Пришли, — проговорила она серьезно, — пришли. Это очень хороший человек, Альберт. Лучший из всех, кого я знаю. Скажи ему, что я вела себя, как дура, и очень жалею об этом... и что мы обо всем поговорим, когда увидимся.

Я сел рядом с Лаггом.

— Где был труп? — спросил я, когда машина тронулась.

— В реке. Спокойненько плавал себе. Какой-то парень, рыбак, выловил его. Умели б мы колдовать, как вы, может, он нам рассказал бы, как туда попал.

Я не слушал его и думал об Уиппете. Об Уиппете и анонимных письмах, об Уиппете и Эффи Роулэндсон и о том, как Уиппет удачно догадался — если только тут можно сказать «догадался». Я все еще никак не мог найти ему место во всей этой головоломке. Не подходила ни одна из моих догадок. Я решил, что придется поговорить с ним самим.

Лагг был в отвратительном настроении и непрерывно ворчал.

— Ничего не скажешь, хорошенькое местечко! Сначала треснут человека по башке, а потом еще и в реку давай его... Некоторым всегда все мало!

Я выпрямился. Именно это мучило меня постоянно. Зачем бросать труп в реку, если рано или поздно он все равно будет найден?

Прежде чем мы доехали, мне это стало уже совершенно ясно. В покойницкой были и Лео и Пасси, а с ними два взволнованных рыбака, выловивших тело. Я отвел Лео в сторону, но он не слушал меня и кипел от гнева.

— Это же черт знает что! Стыд и срам! Не могу понять таких вещей, Кемпион. В моей собственной деревне! И ведь никакого смысла в этом нет, просто самое настоящее хулиганство!

— Вы так думаете? — сказал я и кое-что предложил ему.

Он выкатил на меня свои голубые глаза, полные недоверия. Для полицейского Лео уж слишком наивно верит во врожденную добропорядочность своих ближних.

— Тут надо кого-нибудь постарше, — сказал я. — Такого, который, разумеется, сумел бы все это проделать, но при этом гарантировано держал язык за зубами. Можно тут такого найти?

Лео задумался.

— В Рашберри живет профессор Фарингтон, — сказал он наконец. — Один раз он дела для нас нечто подобное. Но ты же сам видел, что причина смерти совершенно очевидна. Имеем мы вообще право провести вскрытие?

— В случае насильственной смерти вскрытие всегда оправдано, — напомнил я.

Он кивнул.

— Когда ты вчера осматривал труп, там было что-нибудь, вызвавшее у тебя подозрения?

— Нет, — искренне ответил я, — не было. Но сейчас дело обстоит совершенно иначе. Понимаете, вода обладает одним особым свойством.

Он наклонил голову на бок.

— О чем ты говоришь?

— Вода все смывает, — ответил я и пошел искать Уиппета.

Глава 12

ЛОЖНАЯ ДОГАДКА

Я был уже около машины, когда вспомнил об одной вещи, совершенно вылетевшей у меня от волнения из головы. Я помчался к Пасси.

— Не беспокойтесь, мистер Кемпион. Мы уже поручили его одному нашему человеку, — ответил он на мой вопрос.

Я все еще колебался.

— Хейхоу — все равно что угорь, — заметил я. — И кроме того, важно его не спугнуть.

Пасси не обиделся, но явно подумал, что я малость перехватываю.

— Наш Беркин — все равно что хорек, — ответил он. — Тот и понятия не будет иметь, что за ним следят.

Я решил, что все как будто в порядке, и хотел уйти, но Лео остановил меня. Он все еще не был убежден в необходимости вскрытия, так что пришлось пойти и вновь взглянуть на бранные останки Свина. Когда знаешь, что искать, можно найти несколько довольно любопытных деталей, так что в конце концов я его убедил.

Времени это, однако, заняло порядочно и к «Оперившемуся дракону» я добрался только в два часа. Худая, неразговорчивая горничная явно не горела желанием помочь мне. Пришлось немало потрудиться, прежде чем она поняла, что я хочу говорить с Уиппетом.

— Ага, — сказала она наконец, — это который молодой, красивый блондин и говорит почти совсем, как наш брат. Так его нету.

— Но сегодня ночью он был здесь, — настаивал я.

— Был, что верно, то верно, — кивнула она, — а теперь уже нету.

— А он вернется?

— Не знаю.

Мне пришло в голову, что Уиппет велел ей молчать. На него это было совсем не похоже, и мой интерес к нему еще больше возрос.

От мисс Роулэндсон тоже не было и следа. Видимо, и она куда-то уехала. Но вот отправились они вместе или каждый по отдельности, этого горничная сообщить не пожелала.

Пришлось возвращаться в Хайуотерс ни с чем. К обеду я, разумеется, опоздал. Пеппер подал мне одному, и весь его изысканно вежливый вид так и излучал жалость и разочарование.

Учитывая все обстоятельства, я падал в его глазах с прямо-таки головокружительной быстротой. Когда я закончил обед, он проговорил:

— Мисс Дженет в розовом питомнике, сэр, — явно давая понять, что убийство или не убийство, а у гостя, по его мнению, есть свои обязанности перед хозяйкой.

Я смиренно воспринял укор и пошел каяться. Был чудесный летний день, жаркий, но не душный. В саду пахло цветами и воздух был, словно бальзам.

Шагая по газону между кустиками лаванды, я услышал голоса, один из которых мне показался знакомым и сразу привлек внимание. На траве среди роз, спинками ко мне стояли два шезлонга. Я услышал смех Дженет.

Уловив мои шаги, ее собеседник встал, а меня, когда я увидел его голову и плечи, охватило странное чувство: наполовину облегчение, наполовину ничем не оправданное раздражение. Это был никто иной, как Уиппет. На нем были красивые белые брюки, и по всему было видно, что здесь он чувствует себя приятно и уютно. Не могу сказать, чтобы меня обрадовали и его первые слова.

— Кемпион! Наконец-то! — сказал он. — Очень... очень рад. А я тебя, дружище, ищу по всей деревне, просто всюду.

— Много работы было, — ответил я не слишком доброжелательно. — Привет, Дженет!

Она улыбнулась мне из шезлонга.

— Этот твой старый знакомый очень мил, — сказала она с несколько излишним нажимом на слове «этот». — Садись с нами.

— Да-да, садись, — поддержал Уиппет. — Вот там еще один шезлонг, — он показал на другой конец газона.

Я принес шезлонг, разложил его и сел напротив них. Уиппет с любопытством наблюдал за моими действиями.

— Довольно сложная штука, — заметил он.

Я ждал, что он как-то продолжит свою мысль, но его, видимо, вполне устраивало валяться тут рядом с Дженет, выглядевшей очень мило в своем белом платице.

Я отважно ринулся в бой.

— Его уже нашли и знаешь где?

— В реке.

Он кивнул.

— Я слышал об этом в деревне. Все потрясены этой трагедией, тебе не кажется? Всюду такое беспокойство... ты это тоже заметил?

Он доводил меня до белого каления. Как и при первой нашей встрече в зрелом возрасте, мне страстно захотелось разделаться с ним.

— Тебе бы следовало кое-что объяснить мне, — сказал я, мечтая о том, чтобы Дженет куда-нибудь ушла.

К моему удивлению, он ответил вполне разумно.

— Знаю, знаю. Поэтому я тебя и искал. Возьмем, например, мисс Роулендсон. Она в ужасном состоянии. Я понятия не имел, что ей посоветовать, и она сейчас пошла к викарию.

— К викарию? — повторил я. — Зачем, Господи помилуй? — Я заметил, что Дженет начала с интересом прислушиваться к нам.

— За утешением, надо полагать, — неуверенно ответил Уиппет. — В деревне человек со своими заботами идет к священнику, так ведь? Доброе влияние и так далее. Да, это кое-что мне напомнило. Что ты о нем скажешь? Пришло сегодня утром. Я, как увидел его, сразу подумал, что надо показать его Кемпиону, Кемпиона это заинтересует. Ты тоже получил такое?

Он вытащил из кармана сложенный листок и подал его мне.

— Тот же штемпель, что на всех остальных, — сказал он. — Любопытно, как ты считаешь? Я и не подозревал, что кому-то, кроме тебя, известно, где я остановился, а у тебя вряд ли было бы время на это, даже, если бы...

Голос его перешел на шепот, а я тем временем прочел третье анонимное письмо. Оно было совсем коротеньким, написано на той же машинке и с такой же аккуратностью:

«Хотя враг осы близко, она не боится и сидит в укрытии. Она терпеливо ждет. Ее пылкое сердечко полно спокойствия и надежды. Вера ее такова, что сдвинет гору или ее крохотные соты».

Это было все.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил я наконец.

— Нет, — ответил Уиппет, — не понимаю.

Я перечел письмо еще раз.

— «Кто ждет» и «чья еще вера?» — спросил я.

Уиппет заморгал.

— Сложная штука. Я так думал, что речь об этой самой осе. И о ее «крохотных сотах», понимаешь?

— Надеюсь, вы хоть сами осознаете то, о чем говорите?

Уиппет встал.

— Мне пора уж уходить — раз я нашел Кемпиона и все ему объяснил. Спасибо, что терпели мое скучноватое общество, мисс Персьюивант. Большое спасибо.

Я подождал, пока они попрощаются, а потом настоял на том, чтобы проводить его до ворот парка.

— Слушай, Уиппет, — заговорил я, как только мы отошли подальше, — кое-что ты объяснить мне обязан. Что ты здесь вообще делаешь? Почему ты тут очутился?

На лице его появилось выражение полной растерянности.

— Все из-за этой девушки, этой Эффи, Кемпион. У нее, понимаешь, сильная воля. Я познакомился с нею на похоронах Свина, и она так и прилипла ко мне. Вчера попросила, чтобы я привез ее сюда, ну, я так и сделал.

У любого другого такое объяснение звучало бы неправдоподобно, но в случае Уиппета я склонен был его принять.

— А что это за письма? — продолжал я наступать.

Он пожал плечами.

— Анонимные письма лучше всего рвать, — сказал он. — Рвать или оставлять на память или вставлять в рамочку и вешать на стенку — все, что угодно, только не принимать их всерьез. Но когда человек получает их одно за другим, он рано или поздно начинает задавать вопрос: «Кто это, черт возьми, пишет все эти глупости?» Эти письма беспокоят, но, знаешь, оса эта мне почему-то

начала нравиться. Я буду в «Оперившемся драконе», Кемпион, и слово даю: с места оттуда не двинусь. Заходи, когда будет свободная минутка, и поговорим. Ну, пока!

Я отпустил его. Разговаривая с ним, просто невозможно было представить, что у него когда-нибудь наберется достаточно энергии, чтобы по-настоящему впутаться в такую головоломку, какой был наш случай.

Возвращаясь, я в первый раз серьезно задумался об осе. В том, что Уиппет говорил об анонимных письмах, было очень много правды. Хейхоу — человек образованный, Батвик тоже, но все равно: чего ради они посылали бы письма мне и Уиппету. Это казалось совершенно необъяснимым.

Дженет вышла мне навстречу. Она явно была недовольна мною.

— Я не хочу вмешиваться в твои дела, — сказала она тоном, выражавшим как раз обратное, — но, по-моему, тебе не следовало допускать, чтобы она надоедала бедняге Батвику.

— Кто? — спросил я рассеянно.

Дженет вспыхнула.

— Почему ты такой противный? — спросила она. — Ты же отлично знаешь, кого я имею в виду... эту невыносимую, глупую особу, эту твою Эффи Роулэндсон. Мало того, что ты привез ее к нам в деревню, так ты еще разрешаешь ей набрасываться на людей, которые не могут постоять за себя! Мне не хотелось бы говорить с тобой в таком тоне, Альберт, но ведь это и впрямь очень некрасиво с твоей стороны.

Я вовсе не собирался дать спровоцировать себя на ссору, но я устал, и меня злило, что она пытается представить Батвика каким-то невинным агнцем.

— Милая моя Дженет, ты ведь слышала, что Батвик вчера искупался. Он рассказал Лео жалкую сказочку о том, что по дороге от вас домой упал в канаву. Только, понимаешь, ему понадобилось почему-то два часа, чтобы выбраться из нее и снова попасть на шоссе. Ему, пожалуй, придется найти объяснение получше — теперь, когда тело Гарриса нашли в... ну, словом, там, где его нашли.

Произнося эту тираду, я не смотрел на Дженет, но, услышав легкий возглас, обернулся. Лицо ее было пунцовым, а глаза широко раскрыты от испуга.

— Ох, — сказала она, — ох, это ужасно.

Прежде чем я успел задержать ее, она резко повернулась и убежала в дом. Я, естественно, побежал за ней, но она заперлась в своей спальне, и мне не оставалось ничего другого, как со злостью гадать, что же произошло.

Я отправился в библиотеку. Это большая, по-старинному обставленная комната, и Персьюиванты пользуются ею редко. Там было прохладно, в воздухе пахло бумагой. Я сел в большое кожаное кресло, чтобы хорошенько все продумать, но не учел, что прошлой ночью почти не спал. Проснувшись, я увидел, что Дженет стоит рядом со мной. Она была бледна, но вид у нее был решительный.

— Я уж думала, что ты ушел, — произнесла она запыхавшимся голосом. — Уже ведь довольно поздно. Слушай, Альберт, я должна тебе кое-что рассказать. Я не могу допустить, чтобы Батвик попал в беду за то, чего он не сделал, и знаю, что он скорее умрет, чем сам об этом расскажет. Но, если ты начнешь смеяться, я с тобой больше никогда не буду разговаривать!

Я встал и стряхнул с себя последние остатки сна. Очень уж ей шло белое платье и горящие вызовом глаза!

— А мне совсем не до смеха, — сказал я честно. — Так что там с Батвиком?

Она глубоко вздохнула и выпалила.

— Батвик упал не в канаву. Он упал в наш пруд — тот, что с кувшинками.

— Серьезно? Откуда ты знаешь?

— Я его туда толкнула, — робко ответила Дженет.

Мне с трудом удалось заставить ее продолжать.

— Вчера вечером, когда ты отправился провожать мисс Роулэндсон, я не сразу пошла спать. Я вышла на балкон своей комнаты. Ночь была, ты же знаешь, совсем светлая, и я внезапно заметила, что кто-то бродит среди кустов роз. Я подумала, что это папа не спит и мучается из-за этой истории, и пошла поговорить с ним. Но, когда я вышла в сад, оказалось, что это был Батвик. Мы немного погуляли по саду и, когда подошли к пруду, он...

Она умолкла.

— Несколько неуклюжим образом предложил тебе руку и сердце? — подсказал я.

Она благодарно кивнула.

— Я оттолкнула его, а он, к несчастью, потерял равновесие и свалился в пруд. Когда он наконец выбрался, я вернулась домой. Я решила, что это будет самое разумное. Больше ведь никому не надо будет об этом рассказывать, правда?

— Нет, — пробормотал я. — Полагаю, что нет. Она улыбнулась мне.

— Вообще-то ты хороший, Альберт...

И тут меня, разумеется, позвали к телефону. Звонила Поппи. Она, видимо, так и не привыкла пользоваться этим достижением техники, так что приходилось держать трубку в нескольких дюймах от уха, чтобы хоть что-то понять.

— Я все выяснила, как ты говорил, — кричала она. — Думаю, что Б. не возвращался, во всяком случае никто его не видел. Но, знаешь, кого видели, как он толкался наверху вчера утром? Честно тебе скажу, Альберт, в жизни бы не подумала! На вид он такой безобидный. Кто? Ах, я тебе еще не сказала? Ну, конечно, дядюшка Хейхоу! Прохаживался по дому, словно он его собственный. Горничная увидела его, но, само собой, решила, что он тут с моего разрешения. Людям и вправду нельзя верить, как ты думаешь?

Глава 13

ИЮНЬСКОЕ ПУГАЛО

Когда я повесил трубку, Дженет стояла рядом со мной.

— Что случилось? — спросила она испуганно. — Это ведь Поппи звонила, да? Ох, Альберт, я боюсь! Опять, наверное, что-то страшное?

— Да ничего подобного, — ответил я с уверенностью, которой вовсе не чувствовал. — Ничего не случилось и не случится. Надеюсь, по крайней мере.

Она стояла и смотрела на меня снизу вверх.

— Теперь ты уже знаешь, что с Батвиком все в порядке, да?

— Конечно — весело успокоил я ее. — Но теперь мне надо идти. Надо кое-что уладить, очень срочное.

Лагг вывел машину, и мы поехали в полицейский участок. Лео был все еще там и совещался с Пасси. Мне было жаль его, я же видел, какой он осунувшийся и беспомощный. Слишком уж много на него сразу навалилось. Лицо его покрылось глубокими морщинами, а обычно ясные глаза потемнели от забот. Я изложил ему свою просьбу.

— Посадить этого Хейхоу под замок? — сказал он. — Взаправду? Невозможно! Вызвать его и допросить мы можем — я это хотел сделать сразу же — а задержать нет, у нас ведь против него нет никаких улик, даже самых слабых!

Мне не хотелось нервировать его, но мои опасения были слишком серьезны.

— Его надо задержать, полковник, — сказал я. — Просто необходимо. Арестуйте его за что-нибудь другое.

Лео пришел в ужас.

— Подстроить обвинение? Это же было бы черт знает что, позор!

Мне некогда было объяснять, тем более что все еще не нашлось ни малейших доводов.

— Задержите его хотя бы на сорок восемь часов, — попросил я.

Лео уставился на меня и спросил:

— Что это тебе стукнуло в голову, мальчик мой? Выглядишь ты здорово озабоченным. Есть какие-то подозрения?

— Не знаю, — ответил я, пытаюсь скрыть начинавшую бить меня нервную дрожь. — Во всяком случае, давайте приведем его сюда.

Оставив Лео размышлять о правомочности наших действий, мы с Пасси сели в машину и поехали к домику миссис Тетчер. Беркин был на месте, стоял, опершись на забор, на противоположной стороне дороги. Это был симпатичный худощавый молодой человек в поношенной форме цвета хаки. Отрапортовал он нам драматическим шепотом:

— Весь день дома. Его комната вон там, где горит свет. Если присмотреться, его и самого видно.

Он показал на расплывчатую тень на выцветшей шторе, и сердце у меня так и упало. Ясно было, что Беркину суждено некоторое время посвятить себя выдаче справок и проверке прививок от бешенства у собак. Тень самым очевидным образом была от куртки и простыни, прилаженных на спинку стула.

Когда мы вошли в душную комнатку под крышей, Пасси остановился, поглядел на все это, и, когда наконец заговорил, голос его звучал сдержанно, почти важно.

По Беркину видно было: ему и в голову не приходило, что его подопечный может выкинуть такую штучку. Будет о чем порассказать друзьям в деревне.

Миссис Тетчер, худая бабка, столько наработавшаяся за свою жизнь, что ей было не до всяких там шуточек, ничего не могла понять. Она же сказала Джонни Беркину, что ее постоялец в своей комнате, и честно полагала, что он там и есть. Должно быть, спустился вниз потихоньку, в одних носках — не иначе. И это было все, что она могла сказать.

У меня мурашки поползли по спине.

— Мы должны найти его, — сказал я. — Неужели вы не понимаете, как это важно?

Пасси быстро вышел из транса.

— Далеко он не мог уйти, — проговорил он. — Не такое уж у нас тут движение. Кто-то должен был его видеть, обязательно видел.

Беркин сообщил, что, когда стемнело, шторы задвинулись, и он с того времени спокойно сидел и наблюдал за светом в окне. Это давало Хейхоу всего какой-нибудь час выигрыша во времени, и мое напряжение немного спало.

Надо отдать Пасси должное: он взялся за дело быстро и с толком. Мы с Лео зашли в «Лебедь», а он принялся за работу. Дорог из Кипсейка не так много, а поскольку машины у Хейхоу не было, казалось несомненным, что в течение часа или двух мы о нем что-нибудь узнаем.

Признаюсь, что я сидел как на иголках. Меня мучило ощущение беспомощности. Самому мне делать было нечего: я здесь был совершенно чужим, а завоевать доверие подозрительных местных жителей не так-то просто.

Поев, мы пошли в «Оперившийся дракон» поговорить с Уиппетом и нашли его за ужином в обществе Эффи Роулэндсон и Батвика. Лео был ошеломлен, да и меня удивила эта несколько странная троица.

Когда мы начали осторожно расспрашивать их, стало ясно, что о Хейхоу они ничего не знают, но вид все же у них был такой заговорщический, что я с удовольствием задержался бы и побеседовал с ними поосновательнее, если бы мог думать о чем-нибудь еще, кроме своих опасений.

Около одиннадцати Лео, Пасси и я собрались на совещание. Мы сидели в душной маленькой комнатке полицейского участка, и Пасси изложил нам, как обстоят дела.

— Автобусом он не уехал и машины не нанимал. Мог, конечно, уйти пешком по одной из дорог, но тогда ему надо было мчаться намного быстрее, чем это реально в человеческих силах, — Он помолчал и выразительно посмотрел на нас. — Я бы сказал: просто неестественно, что его никто не видел. Никаких чужих машин в деревне не было, тут и вообще-то почти никто не ездит. Вечер сегодня тихий, люди сидели на крылечках. Не могу понять, как это произошло: разве что пошел напрямик через поля...

Я подумал о теплой густой тьме, окружавшей нас, о высоких хлебах и заросших травой канавах — и мне стало страшно.

У Лео, наоборот, отлегло от сердца.

— На мой взгляд, это бегство — довод против него, — заявил он. — Вот видите! Мне этот тип не понравился с первого взгляда. Уж верно рыльце у него в пушку!

Я не знал: стоит его успокаивать или, может, раззадорить еще больше, так что просто молчал. Пасси же как будто заразился настроением своего начальника.

— Не бойтесь, никуда он не денется, — успокаивал он. — Теперь, когда мы знаем, кого ищем, он от нас не уйдет. Вся деревня настороже, а из нас никто нынче глаз не сомкнет. Возвращайтесь домой и отдохните, сэр, можете полностью на нас положиться.

Ничего другого, пожалуй, и не оставалось делать, но мне как-то не хотелось уходить.

— Вы обыскали тот холм? — спросил я.

— Шаг за шагом, мистер Кемпион. Подзорная труба его там, а больше ничего. Да он бы туда и не мог попасть незамеченным. Ему бы всю Главную улицу пришлось пройти, а там десятки глаз. Нет-нет, на холме его нет, разве что в осу превратился.

Я вздрогнул, и Пасси поспешил, учитывая мое городское воспитание, объяснить, что он имел в виду.

— Мог бы тогда в клевере спрятаться, — предположил он, и мне вдруг стало совсем не по себе. Мы уже собирались уходить, когда Пасси припомнил нечто, о чем я начисто забыл.

— Если бы та барышня, — начал он, — могла опознать...

— Завтра, — быстро ответил я, — завтра у нас будет куча работы.

— Это верно, мистер Кемпион, — согласился он. — Куча работы, если мы его схватим.

— И еще больше, если нет, — ответил я и пошел вместе с Лео домой.

Я только было лег — в первый раз за сорок восемь часов — когда появился Пеппер с телефоном в руках и поставил его на столик рядом с моей постелью.

— Доктор Кингстон, — сказал он и добавил немного с сочувствием, немного с укоризной: — В такую пору, сэр...

Кингстон был давно уже на ногах, но энергия и жажда действий так и били из него.

— Надеюсь, я вас не очень побеспокоил, — сказал он. — Я вам весь вечер звоню. Сразу поле ужина я проводывал одного пациента в деревне — там просто все кипит. Говорят, что преступнику удалось бежать. Я вам ничем не могу помочь?

— К сожалению, нет. — Я старался оставаться вежливым.

— Да, понимаю. — Он был явно разочарован. — Должен извиниться перед вами за свою навязчивость, но, надеюсь, вы меня поймете. Вполне естественно, что все это меня занимает. Вы дадите мне знать, если что-нибудь случится или вам понадобится моя помощь?

— Дам, — ответил я, но он еще не кончил.

— Вы, наверное, очень устали. Со здоровьем шутить не стоит... Ах, да, послушайте: в «Оперившемся драконе» остановились какие-то чересчур странные личности. Никто их не знает. Мужчину зовут Вупперт или что-то в этом роде. Хотите, я присмотрюсь к ним поближе?

Я проклинал в душе его скучное житье-бытье.

— Это мои шпионы, — сказал я.

— Простите? Я не понял...

— Шпионы, — повторил я. — Мои шпионы. У меня они повсюду. Спокойной ночи!

В шесть утра я был уже на ногах. Лагг разбудил меня, хотя возмущение было написано на его лице.

— Вот это добросовестность! Это же точно в вашем духе! — сказал он с иронией. — От двух легавых — тех, что ловят его за убийство, — Хейхоу смылся, но свидания с вами не пропустит, где уж там!

— Все равно схожу, — ответил я. — Никогда не знаешь заранее...

Лагг стоял передо мной в своем кричащих цветов халате, и вид у него был неприступный.

— Если хотите, я пойду с вами, — предложил он, наконец, великодушно. — Долгие прогулки, пока роса, это по мне — ногам прохладнее.

Я отослал его назад в постель, оделся и вышел. Было чудесное ясное утро, обещавшее жаркий день. Небо прозрачное, а трава под ногами шелковистая, мягкая и упругая.

Проходя по деревне, я встретил на улице Беркина, который сообщил мне последние новости, точнее говоря, с улыбкой поделился тем, что никаких новостей нет.

— Да мы его все равно сцапаем, сэр, теперь, когда солнышко взошло, — сказал он. — Не беспокойтесь, скоро получите его во всей красе.

Хотя было уже тепло, меня пробрала дрожь.

— Надеюсь, — бросил я и пошел дальше.

Дорога, проложенная по узкой глубокой ложбине, была словно создана для прогулок, но ноги отказывались идти. На поле у подножия холма я ступил, полный самых мрачных опасений.

Подъем занял больше времени, чем я думал, и, когда я добрался до вершины, опасения мои на минутку исчезли. Там было пусто, и я не всполошил никого, кроме стайки жаворонков, отдыхавших в невысокой траве. Старая подзорная труба все еще стояла на своей подставке, линзы запотели от росы. Я протер их носовым платком.

С места, где я стоял, панорама окрестностей была просто великолепной. Было видно розовое здание «Рыцарской серенады» среди серых пастбищ и реку, поблескивающую в утреннем солнце, а вокруг ярко-зеленые лоскутки полей и луга, уже чуть тронутые желтизной. Чудесный уголок!

Там и сям были разбросаны фермы, а между ними вились и переплетались белые ленты дорог.

Я долго стоял и смотрел вокруг. Все дышало спокойствием — и это было чудесно. Все было на своем месте: нигде ничего лишнего, ничего мрачного.

А потом я увидел это. С полмили от меня, посреди поля, по пояс в зеленых хлебах стояло растерзанное пугало, предназначенное наводить страх на глупых ворон.

Но чучело, которое увидел я, было каким-то необычным. Воронье не боялось его, наоборот, стаями кружилось вокруг.

Я посмотрел в подзорную трубу — и сразу же выпрямился. Мне было дурно, кружилась голова. Мои худшие опасения оправдались: Хейхоу нашелся.

Глава 14

ТОТ, КОТОРОГО ЗНАЛИ

Рана была у него на шее, глубокая рана повыше ключицы. Артерия была перерезана, и зрелище, которое мы увидели, подойдя к нему, было не из приятных.

Мы с Лео и Пасси стояли возле этого изуродованного трупа, торчавшего на планке, выломанной из изгороди, а вокруг нас шумели зеленые хлеба.

После предварительного осмотра, обычного в таких случаях, полицейские уложили Хейхоу на тележку и увезли. В маленькой покойницкой полицейского участка прибавились еще одни носилки.

Лео был бледен и измучен, а Пасси, которого вывернуло при первом взгляде на мою находку, был лишь тенью прежнего улыбчивого Пасси.

Когда мы остались одни в покойницкой, стоя между двумя накрытыми белыми простынями телами, Лео повернулся ко мне.

— Так ты этого опасался? — спросил он строго. Я беспомощно поглядел на него.

— Мне пришло в голову, что нечто в этом роде может случиться. Понимаете, он сказал мне, что имеет точную информацию.

Лео провел рукой по редющим седым волосам.

— Но кто это сделал, Кемпион, кто? — взорвался он. — Неужели ты не понимаешь, мой мальчик, то, что здесь происходит, просто ужасно? Все жертвы этого убийцы — чужие здесь люди, а подозрения сгущаются вокруг каждого из нас, местных. Ради Господа Бога! Что будем делать?

— Пока не за что ухватиться, — заметил я. — Поле рядом с дорогой, так что убийце не пришлось далеко его нести, если он вообще его нес. Скорее всего, он его тут и убил — крови вокруг полным-полно.

Лео отвел взгляд.

— Знаю, — пробурчал он, — знаю. Что только этот старик мог делать среди ржи в обществе убийцы?

— Возможно, они вели тихую конфиденциальную беседу, — предположил я. — Хотел бы я знать мнение эксперта об этой ране.

— Ты его получишь, мой мальчик, можешь в этом не сомневаться. Мнение одного из лучших экспертов в мире. Профессор Фарингтон будет здесь утром, чтобы осмотреть этот и второй труп. Ужасно, Кемпион. Мне жаль, что я не нашел кого-нибудь, чтобы сделать это еще вчера, но Фарингтона не могли разыскать, а вовлекать в эту историю министерство внутренних дел без крайней необходимости не хотелось. Теперь это уже совсем другое дело. Можешь поверить — я и сам толком не знаю, что делать.

Если бы даже я и попытался внести какое-то предложение, мне все равно помешал бы Пасси, вернувшийся в сопровождении Кингстона. Доктор нервничал и стыдился того, что это было по нему заметно. Мое мнение о нем как о враче несколько поколебалось, когда я увидел, как бегло он осмотрел Хейхоу. Помогать он был готов, а вот рискнуть своей репутацией и высказать какое-то определенное суждение ему, как видно, не очень-то хотелось.

— Не могу точно сказать, чем это было сделано, — произнес он наконец. — Чем-то узким и острым. Может быть, кинжалом. Знаете, таким старинным, наподобие сувенира.

Я взглянул на Лео и по выражению его лица понял, что он вспоминает довольно приличную коллекцию старинного оружия, которым были увешаны стены бильярдной в «Рыцарской серенаде». Я бы не сумел представить себе Поппи, ползущую ночью по полю с кинжалом в руке. Мне это казалось абсурдным.

Пасси догадки Кингстона тоже не слишком прились по душе, и он очень тактично оттеснил его в сторону.

— Пожалуй, лучше будет, если мы предоставим право решать этот вопрос профессору — прошептал он мне на ухо. — Страшно умный старик, этот профессор. Он здесь будет, скорее всего, через полчаса. Интересно, что он о нас подумает, когда увидит два трупа вместо одного? — добавил он наивно.

Лео повернулся, засунув руки в карманы, и мы, повесив голову, побрели за ним в участок. Пасси принялся за работу: надо было составить протоколы, провести осмотр места, где был найден труп, а главное — попытаться узнать о прошлом мистера Хейхоу.

Эта будничная работа успокаивающе подействовала на Лео.

— Наверное, не надо было его трогать, пока не приедет Фарингтон, — сказал он. — Хотя, с другой стороны, не было смысла и оставлять его там на солнце. Ужасно просто! Поверьте, я не могу представить себе человека, способного на такие жестокие отвратительные преступления — во всяком случае, не среди тех, кого я знаю.

— Ну, здесь немало и чужих, — попытался утешить его Пасси. — Вот увидите, найдется кто-нибудь со следами крови на одежде. Мы его схватим, можете не беспокоиться, сэр.

Лео махнул рукой и отошел к окну.

— А это еще кто? — спросил он неожиданно.

Я заглянул ему через плечо и увидел у ворот элегантный «даймлер». Из него вышел высокий сухощавый мужчина и неуверенно направился к дверям. Через минуту мы уже познакомились с мистером Робертом Веллингтоном Скином, младшим партнером старинной и уважаемой адвокатской конторы, название которой мне уже было известно от Кингстона.

Это был сдержанный, исполненный чувства собственного достоинства джентльмен, который сразу понравился Лео, а Лео ему, что оказалось очень удачным, потому что в противном случае последующая беседа продолжалась бы наверняка немного дольше и была бы еще более невразумительной. А так мистер Скин дошел до сути дела за рекордное для него время.

— Взвесив все обстоятельства, я решил, что лучше приехать лично, — пояснил он. — Уверяю вас, что подобная афера — нечто неслыханное для наших клиентов. Я вчера получил ваш запрос, а вечером перечитал газеты. Разумеется, я немедленно связал эти два имени — Питерс и Гаррис. В этой ситуации я счел, что самое разумное — приехать самому.

Мы с Пасси обменялись взглядами. Наконец-то!

— Так они знали друг друга? — спросил я.

Он посмотрел на меня с сомнением, словно не был уверен, заслуживаю ли я его доверия.

— Это были братья, — ответил он. — Мистер Гаррис переменял фамилию, чтобы... Ну, в общем, у него были для этого веские причины, и мы лишь недавно занялись его делами. Нашим главным клиентом был его старший брат — Роулэнд А. Питерс, умерший в январе в вашем графстве.

В конце концов он пошел вместе с Лео взглянуть на труп и, когда вернулся, вид у него был довольно, бледный. Да и в тоне он основательно сбавил.

— Присягнуть я бы не смог, — бормотал он. — Я видел мистера Питерса всего однажды, и то двенадцать лет назад, а мистера Гарриса прошлой весной в Лондоне. Больше я с ними не встречался. Этот... этот покойник, которого я только что видел, похож на обоих. Вы не могли бы дать мне стакан воды?

Пасси попытался заставить его выразиться определеннее и хотел было отвести назад, но мистер Скин наотрез отказался.

— Это не имеет смысла, — сказал он. — Насколько я могу судить, это мистер Гаррис. В конце концов, нет никаких доводов, подтверждающих, что это был не он. Он ведь называл себя Гаррисом, насколько я знаю?

На минутку мы оставили его в покое, а когда он немножко пришел в себя, я осторожно спросил его о материальном положении покойного.

— Право, ничего не могу вам сказать, пока не загляну в бумаги, — ответил он. — Я знаю, что мистер Гаррис получил по наследству от брата значительную сумму, какую точно я смогу вам сообщить сегодня вечером. Насколько я помню, это были личные сбережения и, кажется, деньги по страховому полису. Тогда мне казалось, что все в абсолютном порядке.

Пасси облегченно вздохнул.

— По крайней мере, хоть с опознанием личности стало ясно, а это уже что-то.

Мы с Лео проводили адвоката к машине. Несчастный был потрясен увиденным, что вполне понятно, но, поскольку во всем прочем был готов оказать нам любую помощь, то пообещал выяснить все подробности об имущественном положении обоих братьев.

— Еще одно, — сказал я, когда он уже сел в машину. — Не знаете, у кого был застрахован Питерс?

Он покачал головой.

— Вот этого, к сожалению, не могу сказать. Кажется, в Объединении страховых ассоциаций. Я разужнаю это.

Едва он отъехал, я предложил кое-что Лео, и, когда тот согласился, послал Лагга к машине вместе с одним из полицейских за мисс Эффи Роулэндсон. Ездили они довольно долго и, когда наконец вернулись, привезли не только девушку, но и, к моему немалому удивлению, Батвика. Они чего-то замешкались в воротах, и я вышел им навстречу. Викарий уже явно преодолел свой

вчерашний приступ дружелюбия по отношению ко мне, и я сразу почувствовал, что его прежний антагонизм вновь ожил.

— Я только выполняю приказ, сэр, — услышал я, подходя к ним, оправдывающийся голос полицейского. — Кроме того, ведь это предложила сама барышня позавчера.

Батвик, не обращая на него внимания, накинул на меня.

— И вам не стыдно?! Принуждать девушку смотреть на такое отвратительное зрелище только потому, что это пришло в голову нескольким бездарным полицейским!.. Я протестую, самым решительным образом протестую!

Эффи слабо улыбнулась ему.

— Вы так добры ко мне, — сказала она, — но я уже решилась, честное слово. Подождите меня здесь, — добавила она.

Батвик, однако, не сдался. Он протестовал так многословно и энергично, что вновь возбудил у меня интерес к себе. Хотел бы я знать, с чего это он так расшумелся?

В конечном счете, мы оставили его сидеть в машине, а я провел девушку в покойницкую. Не могу сказать, что Эффи Роулэндсон когда-нибудь казалась мне привлекательной, но на сей раз я не мог не надивиться ее мужеству. Она не была толстокожей, и все это вызвало у нее порядочный шок, но сохранила выдержку, достойно выполнив свой долг.

— Да, — проговорила она сдавленным голосом, когда я убрал простыню с тела. — Да, это Бакли. Нельзя сказать, чтобы я его любила, но мне жаль, что он мертв, я...

Ее голос сорвался, и она расплакалась. Через пару минут девушка все же взяла себя в руки и, когда я отвел ее к Пасси, рассказала все, что ей было известно.

— Познакомилась я с ним примерно год назад, — начала она. — У него была квартира на Найтсбридж, иногда по вечерам мы ходили в ресторан или кино. Потом мы объявили о помолвке, ну, почти объявили, а потом... ох, мистер Кемпион, вы же знаете остальное, я ведь вам все это уже рассказывала.

Совместными усилиями мы ответили на все вопросы, а потом я проводил ее к машине. Батвик уже ждал нас у калитки. Наверное, он понял по выражению наших лиц, что Эффи опознала Гарриса, потому что, ни слова не сказав мне, взял ее под руку и повел к «Оперившемуся дракону».

Лагг посмотрел им вслед и проговорил:

— Чудной тип. Ну, так как у нас теперь дела?

— Зашли в тупик, — ответил я, что соответствовало истине, и вернулся к Пасси.

Ожидая профессора Фарингтона, мы обсудили все с начала. Пасси изложил свои выводы, по существу разумные, хотя и сбивчиво изложенные.

— Комедию он с ней разыгрывал, — рассуждал Пасси. — Знаете, как в сказках говорится: жили-были два брата — один добрый, а другой злой. Будем так и продолжать их называть для удобства — Питерс и Гаррис. У Питерса были деньги, и Гаррис иногда выдавал себя за него: такое не так уж редко случается. И этой красоте Гаррис назвал себя Питерсом, чтобы на случай, если ей вздумается навести справки, она решила, что он человек состоятельный. А адвокат — тот, бедняга, совсем уж запутался. Оба брата, наверное, были похожи друг на друга, а тот несчастный, что там лежит, вообще уже ни на что не похож. Как вы считаете, мистер Кемпион?

Я колебался. Оpoznать кого-то через двадцать пять лет — дело всегда рискованное, а Кингстон к тому же говорил, что его пациент был похож на Гарриса. В общем, я готов был согласиться с теорией инспектора с одним лишь исключением. По-моему, говоря о Питерсе и Гаррисе, как о «добром» и «злом» братьях, ему следовало бы переставить имена. Я ему так и сказал. Пасси внимательно поглядел на меня:

— Может и так, только это все равно ничего не дает. Кто совершил эти убийства — вот что я хотел бы знать.

Мы молча смотрели друг на друга, пока нас не вывел из этого состояния профессор Фарингтон. Он ворвался словно вихрь. Это был невысокий, но плотный шотландец с седой лохматой шевелюрой и такими пронизательными серо-голубыми глазами, какие мне не приходилось еще видеть.

— Доброе утро, инспектор, — поздоровался он. — Говорят, тут у вас куча трупов.

Его бодрый тон несколько шокировал нас, и в пристройку мы проводили его молча. Однако после того, как он осмотрел труп человека, которого когда-то звали Гаррисом, его хорошее настроение испарилось. Он обернулся ко мне, и выражение его лица было как нельзя более серьезным.

— Я знаю от сэра Лео о ваших подозрениях и готов снять перед вами шляпу, — произнес он. — Чертовски хитро... чертовски.

— Значит, вы полагаете... — начал я.

Он махнул рукой, чтобы я замолчал.

— До вскрытия я не могу сообщить ничего определенного, но меня отнюдь не удивило бы, если вы оказались бы правы. Отнюдь.

Я отошел в сторону, и он принялся за работу. Наконец он выпрямился.

— Пошлем в лабораторию, — проговорил он, — и через два дня я подробно доложу вам что и как. Думаю, однако, что могу высказать свое мнение — сами понимаете, пока это только догадка — что он умер раньше, чем получил эту рану на голове.

Я задал ему один-единственный вопрос, и он утвердительно кивнул.

— Да, — ответил он, — это был яд. Не удивился бы, если им окажется хлоралгидрат. Вот это, — он показал на проломленный череп, — должно было сбить вас со следа. Боюсь, что вы имеете дело со страшно ловким преступником, мистер Кемпион. Ну, а теперь поглядим на второго беднягу.

Глава 15

ЛАГГ УХОДИТ

За два дня ничего не произошло, на два дня нам было даровано спокойствие: Лео, чтобы немного прийти в себя, Пасси и мне, чтобы собрать как можно больше полезных сведений.

В деревне все делали вид, будто ничего не случилось, только ходили хмурые, пораньше ложились спать, запирая двери на все запоры, и со злостью отгоняли всяких туристов, совавших нос на поле, где был найден несчастный Хейхоу.

У Дженет вид был удрученный, да и Поппи сдала. Зато Уиппет проявил такое участие, которого я от него не ожидал. Временами он заходил ко мне, а потом сидел и молчал, вопросительно поглядывая на меня, пока я не отсылал его к Дженет, которая была достаточно добра, чтобы удостаивать его своего внимания.

Кингстона, разумеется, было всюду полным-полно и, в общем-то, польза от него была. У него была слабость к сплетням, и он не считал нужным обращать внимание на закон о диффамации.

Мы получили первые сведения от мистера Скина, адвоката. Тот Питерс, что умер в тетерингском санатории, отнюдь не был, оказывается, бедняком и к тому же предусмотрительно застраховался на двадцать тысяч в Объединении страховых ассоциаций. Насколько мог судить мистер Скин, Питерс собирался занять денег под заклад страхового полиса и вложить их в какое-то предприятие. Получилось, однако, так, что выиграл на этом его брат — Гаррис.

О Гаррисе нам удалось выяснить очень мало. Он снимал квартиру в Лондоне на имя Питерса, но богатым никогда не был. Наши трудности еще увеличивались неразберихой: кто же из братьев был Гаррис, а кто Питерс. В конце концов, я отправился к Лео. Он сидел в кабинете и грустно разглядывал великолепную коллекцию своих охотничьих трофеев. Перед ним на письменном столе лежала кучка нетронутых бумаг.

— Нам дают десять дней, мой мальчик, — сказал он наконец. — Предварительное следствие продолжено, чтобы дать нам время, но это значит, что мы должны получить какие-то результаты. Уж слишком много вокруг этого разговоров. Признаюсь, мой мальчик, что многие здесь считают, будто мне следовало сразу же обратиться в Скотленд-Ярд. Сначала дело не казалось мне сложным, но, поверь, сейчас я и не знаю, чем все это кончится. Каждое утро просыпаюсь и думаю, что же принесет нам этот день. Среди нас на свободе гуляет убийца. Бог знает, кого он выберет следующей жертвой.

Он умолк, а когда я ничего не ответил, пристально посмотрел на меня.

— Я тебя знал еще мальчишкой и сразу вижу, когда у тебя что-то на уме. Если ты что-то раскопал и ждешь, пока будут улики, без колебаний скажи мне, кого ты подозреваешь. Я вынесу все, что угодно, только не эту неопределенность. Ты хоть что-нибудь понимаешь во всей этой неразберихе?

Я по опыту знаю, что на Лео можно положиться во всем, и тем не менее колебался. Довериться кому бы то ни было в данный момент было слишком опасно.

— Слушайте, Лео, — ответил я, — я знаю, как было совершено первое убийство, и, мне кажется, знаю, кто его совершил. Но в данный момент я абсолютно ничего не могу доказать, а без доказательства мы ничего не добьемся. Дайте мне еще день-два.

Сначала он было вспылил, и я уже боялся, что он воспользуется своим авторитетом и заставит меня сказать все, что мне известно, но он, однако, смирился. Я высказал еще одну просьбу.

— Смогли бы вы получить разрешение министерства внутренних дел на эксгумацию Р. А. Питерса, похороненного в январе на кладбище в Тетеринге?

На его лице появилось выражение озабоченности.

— Попробовать можно, — произнес он наконец, — только, дружок, опознать кого-либо через такое время... — Он нахмурился и развел руками.

— Может, нам и удастся, — настаивал я. — В определенных обстоятельствах это возможно. Он все еще хмурился.

— Имеешь в виду, когда в теле есть сурьма?

— Необязательно сурьма, — ответил я. — По большей части, это вопрос почвы.

В конечном счете я добился своего и пошел разыскивать Кингстона.

По телефону я справился, есть ли он дома, и мы с Лаггом отправились за ним. Доктор с радостью встретил нас в своей неуютной приемной.

— Ну, видно, у вас выдался выходной, раз уж вы решили и меня навестить, — сказал он с укоризной. — Что будете пить?

— Ничего, — ответил я, — сейчас ничего. Мы к вам не просто с визитом. Нам нужна ваша помощь.

Его круглое розовое лицо залилось краской от удовольствия.

— Серьезно? Это мне льстит. Я уж начал было думать, что только мешаю вам. Я тут, пока суть да дело, провел небольшую разведку на свой страх и риск. В «Оперившемся драконе» поселился какой-то загадочный тип. Вы о нем что-нибудь знаете?

— Не слишком много, — ответил я честно. — Знавал его когда-то, мы, собственно, вместе ходили в школу, но с тех пор почти не виделись.

— Ага... — он с таинственным видом покачал головой, миссис Тетчер говорит, что в начале недели он несколько раз интересовался Хейхоу. Вы об этом знали?

Я, конечно, не знал и поблагодарил Кингстона.

— Это мы выясним, — сказал я. — А сейчас не могли бы вы показать нам ваше кладбище?

Он охотно согласился. Мы вышли из дома, похожего на казарму, запущенного и неуютного. Кингстон явно сам это сознавал и смущенно объяснил нам:

— Я тут хозяйничаю с помощью одного паренька из деревни, пока отдыхающих нет. Славный паренек, на все руки мастер. Сын местного строителя и помогает ему, когда не подрабатывает у меня или викария. Как только появятся отдыхающие, придется завести уборщицу и санитарку.

Лагг плелся позади нас, и Кингстон улыбнулся мне.

— Практики у меня здесь, знаете, почти никакой. Иначе, наверное, не было бы так скучно.

Проходя мимо моей почти новенькой машины, он с вождением посмотрел на нее, и мне стало его немного жаль. В его затаенной зависти было что-то детское. Тратить время зря он умел гениально, так что машину мы осматривали довольно долго. Он восхищался мотором, внутренней отделкой, блеском лака, чем завоевал сердце Лагга.

В обстановке полного взаимопонимания я воспользовался случаем, рискнул и оказал ему доверие, предназначенное первоначально для Уиппета. Мы заговорили о почве на здешнем кладбище. Он проявил заинтересованность и помог мне.

— Да, — заключил он, — земля здесь сухая и твердая, а, может, в ней есть что-то консервирующее, потому что однажды старый Уиттон, наш могильщик, вытащил меня утром из постели, чтобы показать диковинку. Он отрыл могилу трехлетней давности, потому что жена покойника завещала похоронить их вместе. Крышка гроба каким-то образом сдвинулась, и, представьте себе, мы увидели великолепно сохранившееся тело. Как вы об этом могли догадаться?

— Кусты на кладбище, — ответил я. — Как раз подходящая почва для таких.

Мы еще минутку поговорили на эту тему, и тут его осенило, к чему я клоню.

— Эксгумация?! — спросил он. — Seriously? Ну и ну! Вот это будет...

Он замолчал, проглотив следующее слово, которое почти наверняка прозвучало бы «забава».

— ...сенсация, — добавил он через мгновение. — При эксгумации я еще никогда не присутствовал. Здесь таких вещей нормально не делают.

— Обещать ничего не могу, — возразил я. — Это еще не решено и, ради Бога, никому не говорите об этом. На данном этапе это может оказаться по-настоящему опасным.

— Речь идет об установлении личности, верно? — проговорил он жадно. — А знаете, Кемпион, это может вам удастся! Просто чудо, что этот человек приехал умереть к нам. На девяносто девяти кладбищах из ста вы бы...

— Да, да, только молчите, — сказал я. — Ради Бога, не надо говорить об этом!

— Не буду, — пообещал он. — На меня можете положиться, друг мой. Да я и понятия не имею, кому бы я стал рассказывать.

Узнав то, что нам было нужно, мы покинули его. Он стоял и провожал нас взглядом, пока мы не исчезли за холмом. Лагг вздохнул.

— Жизнь, как у пустытника, — заметил он. — Когда видишь такого парня, хочется захватить его с собой и пройтись по кабачкам, верно?

— В самом деле? — спросил я. Лагг нахмурился.

— Что-то вы таким важным и хитрым становитесь, что это уж совсем не по мне, — пожаловался он. — Я бы на вашем месте не копался в трупах, а сказал бы этому доктору, что еду на неделю в город и мы могли бы там славно погулять.

— Видит Бог, — заметил я, — ты бы, пожалуй, и впрямь так сделал.

Он решил строить из себя обиженного, и домой мы доехали молча.

На следующий день — третий после того, как был найден Хейхоу — я проснулся обеспокоенный. У меня было предчувствие, что сегодня дело сдвинется с места, хотя вряд ли бы я решился продолжать, если бы знал, в какую именно сторону.

Началось с сообщения профессора Фарингтона. Он пришел в участок, когда я совещался там с Пасси, и изложил свое заключение на словах.

— Да, — заявил он, — как я говорил, это был хлоралгидрат. Сейчас трудно, однако, установить, какую его дозу он получил перед смертью. Понимаете, вообще невозможно сказать — был он уже мертв, когда ваза упала ему на голову, или только находился без сознания.

Свойства хлоралгидрата нам с Пасси были знакомы: это излюбленный наркотик уголовников, но мы не стали перебивать профессора.

— Его сразу же охватила сонливость. Потому-то хлоралгидрат и считают такой чертовски полезной штукой. Если бы доза была небольшой, вы бы просто подумали, что человек спит глубоким сном.

Потом профессор заговорил о Хейхоу.

— Очень занимательная у него рана, — сказал он. — Просто на удивление удачная, разве что ее нанес человек, знающий толк в этом деле. Удар был нанесен прямо над ключицей и перерезал шейную артерию. Он умер практически мгновенно.

После этого он описал нам нож, которым воспользовался убийца, то есть, конечно, его лезвие. Пасси не знал, что и думать, но с моей теорией он сошелся точка в точку.

Я оставил их вместе и отправился к Уиппету. Когда я пришел в «Оперившийся дракон», ни его, ни Эффи не было, но через пару минут Уиппет приехал на своей спортивной машине.

— Осматривал дома, которые сдаются в наем, — сказал он. — Там внизу, у дороги, есть одна любопытная вилла. Пустая. Меня пустые дома интересуют. Тебя тоже? Я, когда куда-нибудь приеду, всегда осматриваю пустые дома.

Решив, что он уже исчерпал тему, я задал свой вопрос. Если бы я рассчитывал его смутить, то пришлось бы разочароваться.

— Хейхоу? — переспросил он. — Да. Да, конечно, Кемпион, я с ним несколько раз беседовал. Ужасно неприятный был старикашка, все старался как-нибудь выкачать из меня денег.

— Охотно верю, — сказал он. — Но о чем ты с ним разговаривал?

Уиппет поднял голову, и я мог взглянуть прямо в его невыразительные бледно-голубые глаза.

— По большей части о природе, так мне кажется. Знаешь, о флоре и фауне.

В этот момент в моей головоломке встал на место еще один кусок.

— Некоторые рождаются слепыми, — заметил я едко, — некоторые слепнут потом, а некоторым слепоту внушают. Осы принадлежат к первой категории, не так ли?

Он ничего не ответил и только молча посмотрел в окно.

Я вернулся в Хайуотерс, и там меня ожидало нечто, что мне и во сне не снилось и чего я себе никогда не прощу.

Лагг исчез.

Чемоданчика его не было, а на моем ночном столике лежала придавленная пепельницей новенькая фунтовая бумажка.

Глава 16

РЫЖИЕ ВОЛОСЫ

Сначала я глазам своим не поверил. Это была та единственная возможность, которая никогда не приходила мне в голову, и на мгновение я был совершенно выведен из равновесия. Я услышал, как что-то истерически бормочу. Пеппер пытался мне помочь.

— Кто-то звонил вам, сэр, — сказал он. — Я не очень прислушивался, но как будто из Лондона. Трубку взял мистер Лагг, а потом через пару минут спустился вниз с чемоданом и пошел в деревню по тропинке через поле.

Это было все. Больше мне никто ничего сказать не мог — даже телефонистка. Телефонов было множество, а она оказалась на диво нелюбопытной. Не слышала ли она разговора? Нет, конечно! Никогда не подслушивает.

Я был вне себя. Все начинало упираться в вопрос времени. Иногда перед моими глазами вставала жуткая картина типа той, что я увидел в подозрную трубу.

Розыск был начат немедленно.

И Лео, и Дженет старались насколько могли успокоить меня. Пришлось объяснить всем им, что эта фунтовая бумажка абсолютно ничего не значит. Безусловно, бывают слуги, исчезающие, когда им вздумается, оставив, вместо отказа от места, недельное жалованье, но Лагг к ним не принадлежит. К тому же, никто его не видел ни в деревне, ни на автобусной остановке. Он исчез почти так же таинственно, как Хейхоу — ушел в поле и исчез.

Я позвонил Кингстону. Он выслушал мой взволнованный рассказ с обезоруживающим любопытством.

— Послушайте, Кемпион... — его голос по телефону звучал совсем по-юношески. — У меня есть идея. Не знаю, помните ли вы, но вчера я говорил вам одну вещь. Вас она не заинтересовала — по лицу было видно — но сейчас она могла бы пригодиться. Через несколько минут я буду у вас.

И действительно был. Не прошло и двадцати минут, как его машина проехала, пыхтя, на второй скорости вверх по аллее. Кингстон порозовел, глаза его блестели. Я бы, пожалуй, и простил ему это, если бы речь шла не о Лагге.

Мы стояли и разговаривали на газоне перед домом.

— Этот самый Уиппет, — сказал Кингстон. — Я к нему давно уже присматриваюсь. Понимаю: вы с ним вместе учились и так далее, но вы ведь по сути его не знаете, а тут каждый день такое творится. Кто-то должен за всем этим стоять.

— Ладно, — оборвал я его нетерпеливо, — выкладывайте, что там у вас.

Полагаю, он и не надеялся, что я выслушаю его с особой охотой, но с жаром продолжал.

— Есть тут один дом — небольшая пустующая вилла. Стоит на отшибе, недалеко от дороги. Там должны были строить еще, но потом бросили. Уиппет был там несколько раз. Не хочу ничего утверждать, но вам не приходило в голову, что Хейхоу вряд ли был убит посреди поля, у всех на глазах? А эта вилла — дыра, словно нарочно созданная для такого случая. Давайте-ка заедем туда.

В том, что он говорил, была правда, и я не собирался тратить время на словопрения. Я направился было к машине Кингстона, но он немного смущенно поглядел на меня.

— К сожалению, придется поехать на вашей, — сказал он. — Моя уже не первой молодости, и по дороге сюда несколько раз начинала барахлить. Где-то протекло масло и заливает свечи. Разве что, может, подождете, пока я их прочищу?

Ждать у меня настроения не было, и я вывел свою машину. Он сел рядом со мной, явно наслаждаясь комфортом.

— Прямо с холма, а потом первый поворот налево, — объяснил он.

Мы свернули на заброшенную дорогу, ведущую из деревни через Тетеринг в Рашбери. Через пару минут повернули снова. В полумиле у склона холма, поросшего ильмами, стоит небольшое заведение под названием «Пес и петух». Увидев его, Кингстон тронул меня за руку.

— Вы совсем извелись, — сказал он. — Почти не спали, а тут еще вдобавок этот новый шок. Так нельзя. Давайте остановимся и немного подкрепимся.

Задерживаться мне не хотелось, но он настаивал, и мы вошли в заведение.

Это был довольно непривлекательный кабак, старый и донельзя грязный. Единственным кроме нас посетителем был какой-то беззубый дед с длинными матросскими усами.

Кингстон предложил выпить пива. Ничто так не успокаивает, как выдержанное пиво, сказал он, а когда глуповатая на вид служанка ушла, чтобы наполнить нам кружки, начал выпытывать деда, не

видал ли он Лагга. Делал он это с учетом всех обстоятельств совсем неплохо и говорил на местном наречии, но дед помочь нам ничем не мог. Он был близорук и глуховат, а на чужих людей, по его же словам, и вообще не обращал внимания.

Только когда перед нами появились две замусоленные кружки, Кингстон показал мне домик, который мы собирались осмотреть. В маленькое окошко он был едва виден. Примерно в полумиле от нас я различил среди деревьев только новенькую крышу отвратительного красного цвета.

— Давайте-ка поспешим, — предложил я, потому что не очень верил в то, что найду там бедного Лагга, а времени у меня было в обрез.

Кингстон понял меня.

— И то верно, — согласился он, — тянуть нечего.

Он опорожнил свою кружку, я свою тоже. Отходя от стойки, я споткнулся и нечаянно задел локтем кружку деда. Пиво разлилось по полу, и пришлось задержаться еще на несколько минут, чтобы извиниться и заказать деду новую порцию.

Подойдя к машине, я остановился и посмотрел на руль.

— Послушайте, Кингстон, вы действительно считаете, что нам стоит туда поехать?

— Конечно. — Видно было, что он не даст себя отговорить. — Должно же что-то быть, как вы думаете, если чужой здесь человек шатается по нежилому дому?

Я сел в машину, и мы поехали. Примерно через четверть мили машина резко дернулась. Я остановился.

— Слушайте, — сказал я не очень внятно, — может, вы поведете машину?

Кингстон поглядел на меня, и на его круглом, удивительно моложавом лице появилось любопытство.

— Что, друг? Устали?

— Да, — ответил я. — Чертовски крепкое пиво. Езжайте как можно быстрее.

Он вылез из машины, а я с трудом перебрался на освободившееся сидение. Через мгновение мы уже снова неслись по дороге. Я наклонился вперед, голова падала на грудь, глаза слипались.

— Ничего не понимаю, — пробормотал я невнятно. — Мы должны найти Лагга. Только я устал... ужасно устал.

Я почувствовал, что машина остановилась, и сквозь полуопущенные веки увидел небольшую виллу. Она понемногу разваливалась, на белой штукатурке были следы потеков от дождей. Возле дома был гараж с кое-как сделанной подъездной дорожкой.

Последнее, что я видел, это как Кингстон открывает ворота гаража, а потом уже лежал на полу машины с закрытыми глазами, ровно и медленно дыша.

Кингстон снова сел за руль, и мы медленно въехали в небольшой гараж. Я услышал, как он остановил машину. Потом засмеялся. Это был звук, непохожий на все то, что мне приходилось от него слышать.

— Ну, вот вы и здесь, хитроумный мой мистер Кемпион, — проговорил он. — Хорошенько выспитесь.

Вероятно, он надел перчатки, потому что было слышно, как он вытирает руль. Потом приподнял меня и прижал мои руки к его гладкой поверхности. При этом он все время говорил.

— Угарный газ дает легкую смерть, поэтому его так и любят самоубийцы. Что ж тут удивительного? Просто оставлю вас в машине, включу двигатель, выйду и запру ворота гаража — и вот вам еще одна необъяснимая выходка неуравновешенного мистера Кемпиона! Самоубийство известного лондонского детектива!

Приготовления заняли у него несколько минут. Покончив с ними, он наклонился ко мне.

— Я оказался хитрее, — в его голосе прозвучало что-то, от чего у меня кровь застыла в жилах. — Намного хитрее!

— А, может, и нет, — добавил я внезапно и бросился на него.

Зря, что ли, я перевернул пиво этого усатого старикана в «Псе и петухе». Показать человеку что-то интересное за окном, а тем временем подсыпать ему в кружку хлоралгидрат — такими штуками никого не удивишь!

Я схватил его сзади за шею, и несколько мгновений мы раскачивались, не сходя с места. Я все-таки недооценил силу этого типа. На вид размазня, но, когда дошло до рукопашной, мускулы оказались у него что надо. Кроме того, он был словно невменяемый и дрался, как дьявол. Теперь уж у меня не было ни малейших сомнений, чья рука нанесла эту страшную рану Хейхоу.

Я выбрался из машины, но между мною и воротами гаража был он. На светлом фоне выделялся силуэт его массивных сгорбленных плеч. Он бросился на меня, и мы оба упали на пол. Я заглянул в его глаза и, если мне приходилось когда-нибудь видеть жажду крови на чьем-то лице,

так в этот раз. Мне удалось выскользнуть, и я уже был у самых ворот, когда что-то стиснуло мне шею, словно клещами. Какая-то сила подняла меня вверх, и через минуту я ударился головой о цементный пол.

Это было похоже на спуск в скоростном лифте. Я падал и падал, а в конце была темнота.

Я пришел в себя, с болью ловя воздух: руки мои двигались вверх и вниз медленным ритмичным движением, совершенно не зависевшим от моей воли. Тут я начал икать и хватать ртом воздух.

— Внимание, осторожно. Вот так! Не волнуйся только. Спокойно.

Голос доносился ко мне, словно во сне. Сквозь туман я видел смешного мальчишку с измазанным чернилами лицом, сидящего рядом со мной, лежащим на больничной койке. Потом мальчишка исчез, но лицо передо мной осталось тем же, хоть чернил на нем больше не было. Уиппет! Он стоял на коленях рядом со мной и делал мне искусственное дыхание.

Все сразу вернулось ко мне.

— Лагг! — простонал я. — Ради Бога, мы должны найти Лагга!

— Знаю, — голос Уиппета звучал почти интеллигентно. — Этот Кингстон — настоящее чудовище. Я решил сначала заняться тобой, а он пусть пока бежит — на обоих сразу меня бы просто не хватило.

Я сел. В голове шумело, в ней была одна-единственная связная мысль.

— Идем, — произнес я. — Мы должны найти его прежде, чем будет уже слишком поздно.

Он кивнул, и меня внезапно охватило чувство благодарности за понимание, которое я увидел на его лице.

— Минуту назад тут проезжал один велосипедист, — сказал Уиппет. — Я объяснил ему, в чем дело, и послал в деревню. Он направит всех к санаторию. Я решил, что так будет лучше всего. У меня там на лугу за сараем машина. Если хочешь, поедem и мы в Тетеринг.

Дорогу в Тетеринг я не помню. Мне казалось, что голова разваливается, во рту был какой-то противный привкус, и я никак не мог отделаться от жуткого видения: Лагг, как пугало, торчал на столбе высотой с колонну Нельсона на Трафальгарской площади.

Помню, однако, как мы подъехали к похожему на казарму дому Кингстона. Мы остановились перед главным входом и вдвоем навалились на запертую дверь.

Помню чудесное ощущение, когда под нашим напором она наконец распахнулась.

На втором этаже что-то происходило. Я был вне себя от злости. Мы бегом бросились наверх и, проскочив через несколько открытых дверей, сосредоточились на последних — закрытых. Заперты они не были, но кто-то их держал с другой стороны. Когда мы поднажали, слышно было, как кряхтит и сопит этот кто-то.

Потом вдруг дверь распахнулась. Я с разбегу чуть было не влетел и не получил добавку, но Уиппет не терял самообладания: он оттянул меня назад, и мы на мгновение замерли.

В открытую дверь видна была кровать, а на ней знакомая огромная фигура. Лицо не было прикрыто и, насколько я мог судить, цвет у него был естественный. Глядя на него, я заметил, однако, нечто такое, от чего кровь бросилась мне в голову и по коже пробежали мурашки. Я понял кое-что, до сих пор не приходившее мне в голову.

Черные с проседью космы вокруг лысины Лагга были такими рыжими, какими делает волосы только хна. Меня осенило! Тело одного толстого мужчины вполне может сойти за тело другого толстого мужчины, достаточно лишь, чтобы исчезли черты лица. Того, что естественно сделало бы время, можно добиться и другими способами. У Кингстона был бы труп для этой забавной штуки — эксгумации.

Я упал на четвереньки, уклоняясь от удара, которым хотел меня угостить спрятавшийся за дверью Кингстон, и схватил его за щиколотки. Усевшись ему на грудь, я старался не выпустить руки, когда услышал, как у дома останавливаются машины, а на лестнице раздается голос Лео.

Понадобилось трое полицейских, чтобы впихнуть Кингстона в машину, а когда его привели к следователю, дошло до сцены, не имевшей прецедента в здешних местах. На суде адвокат пытался доказать невменяемость подсудимого, но судьи не согласились с ним и, думаю, справедливо. Все это, однако, было уже потом.

В первый момент главное для меня был Лагг. Мы с Уиппетом занялись им, пока Пасси не привез врача из соседней деревни. После долгих стараний тому удалось-таки привести Лагга в чувство. Разумеется, и тут был хлоралгидрат, что же еще! Кингстон не был настолько невменяемым, чтобы не знать, что делает. Он не хотел, чтобы изготовленный им напоказ «труп» имел на себе какую-то рану. Как он собирался провести окончательную «обработку трупа», можно лишь догадаться, но мне и сейчас не хочется об этом думать.

Придя в себя, Лагг рассказал нам, что произошло. Все было очень просто. Кингстон позвонил в Хайуотерс, узнал от Пеппера, что я в деревне, и попросил к телефону Лагга. Я, по словам Кингстона, решил послать Лагга в Лондон, но сначала хотел встретиться с ним на тетерингском кладбище, где будто бы что-то обнаружил. Лагг должен был собрать чемодан и пройти по тропинке в поле к дороге, где Кингстон будет ждать его в машине. Фунтовая бумажка была предназначена Пепперу на случай, если бы Лаггу пришлось остаться в Лондоне. Вот и все. Лагг поймался на удочку. Никто их не заметил просто потому, что на такую знакомую машину, как машина доктора, никто и внимания не обратил.

Когда они приехали в Тетеринг, Кингстон провел Лагга в столовую, угостил пивом и попросил минутку подождать. Лагг выпил пиво вместе с хлоралгидратом и больше, к счастью, уже ничего не помнил.

Наверх Кингстон втащил его, видимо, сам, и уже заканчивал свои упражнения в косметике, когда я позвонил по телефону.

Ловушка была задумана неплохо, и комментарий Лагга после того, как он разобрался во всем этом, не стоит повторять.

— Ну и человек же вы, — укорял он меня. — Откуда я мог знать, что вы водите этого гада за нос, если ему все время звонили, прося, чтобы он водил вас за ручку? Про эксгумацию вы ему тоже нарочно сказали, чтобы он принял за вас? Обо мне-то вы не подумали. Вот уж спасибо так спасибо.

Пришлось извиниться.

— Хорошо хоть, что ты сам вышел цел и невредим из этой истории, — заметил я.

Лагг нахмурился.

— Я-то вышел, а вот голову теперь побрить придется. А то что мои лондонские друзья подумают? Отдых в деревне — нечего сказать!

Когда разговор перешел на эти рельсы, я счел единственно разумным уложить его в постель. У меня было еще по горло работы.

Целые следующие сутки мы трудились без отдыха, и к концу обвинительное заключение против Кингстона было готово.

Вечером того дня, когда была проведена эксгумация, мы с Лео и Дженет пошли в «Рыцарскую серенаду». Лео все еще кипел от негодования — результат мрачной, и в то же время смахивающей на фарс церемонии — последнего звена в цепи наших доказательств.

— Кирпичи! — рычал он. — Заколоченный гроб, а в нем кирпичи, завернутые в брезент! Что ни говори, Кемпион, а этот тип — негодяй и безбожник, а не только убийца! До сих пор понять не могу, как ему самому удалось все это повернуть!

— А он и не действовал сам, — заметил я спокойно. — Ему помогал Питерс, не говоря уж о том молодом человеке, который у него работал — сыне подрядчика. В деревне строительные подрядчики обычно занимаются и похоронами, верно?

— Роил! — Лео совсем разволновался. — Сын Роила! Это объясняет и ключ от покойницкой! Ты думаешь, что парень был тоже замешан во всем?

— Вряд ли. Думаю, что Кингстону удалось запудрить ему мозги. Может, сказал, что сам займется трупом, пока тот будет выполнять какую-то работу по дому. Санитарка наверняка знала обо всем, но этого мы никогда не сумеем доказать. Она и Кингстон вместе подписали свидетельство о смерти.

— Что-то у тебя так все запутано, — Дженет подала голос с заднего сидения. — Сколько же их было всего — этих братьев?

— Никаких братьев не было, — сказал я, — как заподозрил хитрый лондонский детектив, едва ткнулся носом во все это, бедняга. Существовал один-единственный, неповторимый Свин.

Надеюсь, Дженет меня простит, если я скажу, что она не отличается феноменальной сообразительностью. В данном случае она тупо посмотрела на меня.

— Зачем же он морочил всем голову и притворялся, что умер в январе?

— Ради страховки, дорогая девочка, — ответил я грустно. — Что ты хочешь — двадцать тысяч фунтов! Они договорились с Кингстоном, что разделят их. Договорились с врачом, а потом пусть Объединение страховых ассоциаций решает за тебя твои финансовые проблемы — вот это идея! Кингстон познакомился со Свином в городе, и они вместе разработали план всей аферы. Свин выдумал своего беспутного братца и начал с того, что совсем сбил с толку адвокатов — добропорядочную фирму, с одной стороны, достаточно уважаемую, чтобы произвести впечатление на страховое общество, а с другой — достаточно отставшую от жизни, чтобы попасться на удочку.

— Гениально, — заметила Дженет и с известной долей практичности, как это умеют делать женщины, добавила: — А почему же все кончилось не так, как было задумано?

— Потому что Свин — прирожденный мошенник. Он не захотел платить. Деньги он прикарманил, отлично зная, что Кингстон у него в руках, да тут еще им овладела идея облагодетельствовать Кипсейк. Могу себе представить, как он кормил своего компаньона обещаниями, а в конце концов посмеялся над ним. Только он не учел, с каким человеком имеет дело. Кингстон — человек самолюбивый и смелый, он берется за дело, не обременяя себя раздумьями, что можно, а что нельзя. Как раз человека с таким складом ума и не стоило лишать причитающейся ему доли. Мысль о том, что Свин его нагло надул, была для Кингстона невыносимой, ранила его самолюбие. Ну и конечно, потом ему стало ясно, что Свин ненадежен.

— Ненадежен? — пробурчал Лео.

— Он ведь запил, — пояснил я. — Представьте себе только положение Кингстона. Его надули, и к тому же он видит, что отдал себя на милость человека, безбожно задирающего нос, пьющего не в меру и вполне способного все разболтать. Разумеется, выдать Кингстона, не разоблачив самого себя, Свин не мог, но пьяному недолго и проговориться. А тут еще появился Хейхоу. Негодяй-дядюшка обнаружил, что его негодай-племянник как сыр в масле катается, и тоже захотел поживиться. Он даже подзорную трубу поставил на соседнем холме, чтобы следить, что творится в «Серенаде». Новая опасность для Кингстона. Я полагаю, что весь его гениальный план возник в один миг, и действовал он чисто импульсивно. Злость подгоняла, а страх придавал ему смелости.

Лео выразительно хмыкнул.

— Ужасный тип, — сказал он. — А этот Хейхоу начал его шантажировать, когда разгадал тайну?

— Дядюшка Хейхоу был намерен подороже продать свое молчание, это уж точно, — ответил я, — но о том, что Свина убил Кингстон, он вряд ли догадывался. Ему лишь казались донельзя подозрительными первые похороны, вот он и договорился о свидании с Кингстоном. Для беседы они выбрали ту пустую виллу, где Кингстон и убил его, а потом отнес в поле. Нож он не вынимал из раны, пока не доставил труп, так сказать, на место. В результате крови вытекло гораздо меньше.

Дженет задрожала.

— Ему всех нас удалось обмануть, — сказала она. — Я и понятия не имела...

Лео громко откашлялся и кивнул.

— Да, он провел нас как следует. А ведь казался таким порядочным человеком!

— Держался он великолепно, — согласился я. — Для него, вероятно, мое появление тогда за ужином было шоком, и немалым — мы ведь уже встречались на похоронах — но он мгновенно сориентировался и выдал свою историю о завещании. Звучала она вполне убедительно. Он допустил единственную ошибку: бросил тело в реку, как только услышал от меня, что мы собираемся осмотреть его повнимательней. Он всегда начинал действовать под влиянием первого порыва.

Дженет нахмурилась.

— Ты не должен был позволить поймать себя в его последнюю западню.

— Дорогая Дженет, — попытался я оправдаться, — нам необходимо было получить возможность обвинить его в убийстве или, по крайней мере, в попытке убийства, ведь первые два Кингстону удалось провести так, что никаких улик у нас, по существу, не было. Да и то вряд ли я стал бы действовать так опрометчиво, если бы не Лагг.

— Не будь Джильберта, это могла бы плохо для тебя кончиться.

Я вопросительно посмотрел на нее и увидел, что она покраснела.

— Мы договорились по телефону сразу же после того, как Кингстон сказал, что заедет за мной в Хайуотерс, — кивнул я. — Он еще раньше заметил эту пустую виллу и рассказал мне о ней. Мы предположили, что Кингстон заведет меня туда, если уж решит со мною покончить. Без Уиппета я не пошел бы на такой риск. Гении тоже еще хотят пожить на белом свете.

Дженет улыбнулась. Очень ей к лицу легкий румянец.

— Так ты уже знаешь о Джильберте? — проговорила она.

Меня ее вопрос удивил.

— А ты что знаешь?

— Мало, — прошептала она.

— Господи!

Лео хотел потребовать у нас объяснений, но мы уже останавливались перед «Серенадой». Поппи, Пасси и Уиппет ждали нас в салоне, а когда все мы сели за стол и кусочки льда зазвенели в высоких бокалах, Поппи внезапно обратилась ко мне.

— Мне кажется, что ты наверняка что-то напутал, Альберт. Я верю, что ты необыкновенно умный, честное слово, но все равно: как мог доктор Кингстон убить Гарриса или Питерса, или как там еще его звали? Ведь когда на того мошенника упала ваза, он сидел в комнате и играл с Лео в карты! Ты ведь сам говорил, что сама собой ваза упасть не могла.

Настал момент для моего коронного номера. Я постарался держаться в духе старых добрых традиций.

— Поппи, — сказал я, — вы помните, что утром в день убийства Кингстон приходил посмотреть вашу больную служанку? Полагаю, что вы провели его наверх и вместе разговаривали с девушкой? У ее постели не стояла какая-нибудь посуда со льдом?

Она немного подумала.

— Нет, Кингстон спустился вниз, и я угостила его коктейлем — вот там был лед. Он выпил, а потом еще раз вернулся к Флосси с какими-то пилюлями, которые позабыл ей оставить.

— Ага! — произнес я многозначительно. — И долго он там был?

Поппи посмотрела на меня с любопытством.

— Вообще-то да. Теперь я вспоминаю, что довольно долго.

Выяснив, таким образом, где находится мой «кролик», я решил с должной помпой вытащить его из «цилиндра».

— Кингстон сказал нам, что встретился с Гаррисом на лестнице и что тот был сильно с похмелья. Первое не было правдой, второе же — да. Свин был в ванной, и Кингстон заскочил к нему, как только избавился от вас. Свин был уже одет, но нуждался в чем-нибудь для поднятия духа, а Кингстону он верил. Ему и в голову не пришло подумать, что он слишком уж долго водит компаньона за нос. В конце концов, люди обычно не предполагают, что их кто-то убьет. У Кингстона в чемоданчике было немного хлоралгидрата — безвредного наркотика, когда его применяют в маленьких дозах. Свину он дал его вдоволь и отослал вниз посидеть на свежем воздухе. Потом спустился в салон и из окна увидел, что Свин устроился в шезлонге. Думаю, что вначале Кингстон предполагал оставить умирать его от яда, надеясь, что следствие заподозрит хроническую наркоманию. Риск, однако, был довольно велик, а место, где стоял шезлонг, находилось как раз под окном — и у него возникла новая идея. Окна на всех этажах расположены как раз друг под другом и любой, бывавший здесь, не мог не обратить внимание на те каменные вазы. Кстати, когда-то их поставили, чтобы маскировать снаружи чердачные окна. Кингстон попил свой коктейль и внезапно нашел гениальное решение. В стакане плавало несколько кубиков льда, он сунул пару из них в карман, наговорил вам что-то о забытых пилюлях и снова вернулся на пустой в это время чердак. Там он проверил еще раз — Свин сидел в точности под вазой, стоявшей у окна кладовой. То, что Свин без сознания и уже не придет в себя, он знал. Остальное было просто. Кингстон вынул вазу из подставки, установил ее так, что она еле балансировала на краю карниза, и подпер двумя кусочками льда. Потом спокойно вернулся вниз.

Карниз ниже уровня окна, так что никто, даже проходя мимо его, не заметил бы, что ваза на пару дюймов сдвинута со своего места. Теперь оставалось только ждать. Поппи смотрела на меня и бледнела на глазах.

— Пока лед растает и ваза упадет? — спросила она. — Но это... это же ужасно.

Пасси покачал головой.

— Хитро, очень хитро. Можно спросить, мистер Кемпион, как вы догадались?

— Когда я поднимался, мох на карнизе был влажным, — ответил я. — Сначала я не понял, чтобы это значило, но позже, когда пил здесь коктейль и увидел кубики льда, все в моих рассуждениях стало вдруг на свои места.

— Великолепно, — сказал без всякой иронии Уиппет. — Я тоже, разумеется, подозревал доктора, но его алиби сбило меня с толку.

Лео вытаращил на Уиппета глаза так, словно впервые заметил его существование.

— Мистер... э-э, мистер Уиппет, — проговорил он, — я очень рад видеть вас здесь с нами, что само собою разумеется, но вы-то как впутались в эту странную историю? Что вы, собственно, делали здесь?

Наступило молчание, и все почему-то посмотрели на меня, словно я за него должен был отвечать. Я перевел взгляд на Уиппета.

— «Ножки у нее оторваны, и жало болит», — сказал я. — Разрешите представить вам Джильберта Уиппета-младшего, сына Джильберта К. Уиппета из Объединения страховых ассоциаций, которое иногда сокращенно называют ОСА. Мне это припомнилось только в «Оперившемся драконе», и я сам готов был выпороть себя за то, что забыл об этом. Ты всегда был ленивой скотиной, Уиппет.

Он ухмыльнулся.

— Я... я всегда больше любил писать, чем действовать, — проговорил он неуверенно. — Ты уж извини меня, Кемпион, за то, что я втянул тебя, но у нас вначале были одни подозрения, а ухватиться было не за что. Прямо обратиться к тебе я не мог, потому что... ну, потому что не было там ничего конкретного. Вот я... вот я и написал тебе.

Его голос перешел на шепот.

— Мы с Лаггом оценили твой слог, — сказал я.

Он серьезно кивнул.

— Мне показалось, что это наилучший способ заинтересовать тебя, — заметил он спокойно. — Когда твой интерес стал как будто ослабевать, я написал еще раз.

— А ваши люди разыскали Эффи и напустили ее на меня, — сказал я холодно.

— Д-да, — ответил Уиппет и даже не покраснел.

Поппи огляделась вокруг.

— А где вообще сейчас эта особа?

Уиппет просиял. Я еще никогда не видел на его лице такой широкой улыбки.

— Она с... с Батвиком, — пробормотал он. — Поехали вместе в город, в кино. Вот оно, — сказал я себе, — счастливый конец и... так далее.

Я глядел на него, разинув рот. Он-таки заслужил мое уважение.

Когда на следующий день мы возвращались с Лаггом в Лондон, Поппи, пришедшая в Хайуотерс на обед, стояла рядом с Лео на газоне и махала нам на прощанье. Небо было сине-белым в горошек, пели птицы, и в воздухе пахло сеном.

Дженет подбежала к нам вместе с Уиппетом, как раз когда мы собирались уже трогаться. Глаза у нее блестели, и вообще она выглядела очаровательной.

— Можешь поздравить нас, Альберт, — сказала она. — Мы решили объявить о помолвке. Ну, не чудесно ли?

Я попрощался с ними, как ни в чем не бывало. Уиппет только проговорил, не переставая моргать:

— Я тебе очень обязан, Кемпион.

Мы долго ехали молча. Я задумался, да и Лагг с голой, как яйцо, головой чувствовал себя не в своей тарелке. Только когда мы уже выехали на автостраду, он, повернув ко мне голову, сказал:

— Первый сорт штучка.

— Которая? — поинтересовался я. Признание всегда радует меня, если оно заслужено.

Он ухмыльнулся.

— Да этот ваш Уиппет. Приехать с мисс Эффи Роулэндсон, а увезти мисс Дженет Персьюивант... Это я понимаю!

— Лагг, — буркнул я в ответ, — а пешочком пройтись домой тебе не хочется?

Перевод А.Креснина